

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра китайской филологии

СЕМЧЕНКО Мария Витальевна

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПРОЗЫ
ЛУ ЯО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ
«СУДЬБА» И РОМАНА «ОБЫКНОВЕННЫЙ МИР»)

Дипломная работа

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
В. В. Жуковец

Допущена к защите
«__» _____ 2024 г. _____
Заведующий кафедрой китайской филологии
доктор филологических наук,
доцент Н. Н. Хмельницкий

Минск, 2024

Оглавление

АННОТАЦИЯ	4
АНАТАЦЫЯ	5
ANNOTATION	6
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЛУ ЯО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XXI В.	11
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ..	21
2.1 Перевод прозы как отдельный вид художественного перевода	21
2.2 Подходы к определению адекватности и эквивалентности перевода прозы	24
2.3 Типы стратегий и трансформаций при переводах прозаических произведений	28
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ ЛУ ЯО «СУДЬБА»	36
3.1 Лексические переводческие трансформации в переводе повести «Судьба» Лу Яо на русский язык	36
3.2 Грамматические переводческие трансформации в переводе повести «Судьба» Лу Яо на русский язык	40
3.3 Комплексные лексико-грамматические переводческие трансформации в переводе повести «Судьба» Лу Яо на русский язык	44
ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РОМАНА ЛУ ЯО «ОБЫКНОВЕННЫЙ МИР»	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	69
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	75

ПРИЛОЖЕНИЕ А	80
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	81

Аннотация

Семченко Мария Витальевна

Специфика художественного перевода прозы Лу Яо на русский язык (на примере переводов повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир»)

Структура и объем дипломной работы: работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка используемых источников, двух приложений; объем – 66 с., список используемых источников – 52 источника.

Ключевые слова: Лу Яо, современная китайская литература, художественный перевод, адекватность, эквивалентность, переводческие трансформации, роман, повесть.

Объект исследования: оригинальные и переводные тексты прозы Лу Яо: повесть «Судьба» («人生» 1982 г.) и роман «Обыкновенный мир» («平凡的世界», 1986 г.).

Предмет исследования: анализ особенностей перевода и выявление основных переводческих стратегий и трансформаций в повести «Судьба» и романе «Обыкновенный мир» на русский язык.

Цель работы: выявить особенности художественного перевода прозы китайского писателя Лу Яо на русский язык.

Методы исследования: культурно-исторический, дескриптивный, компаративный методы с контекстуальным и лингвостилистическим анализом художественного текста посредством метода комбинированной выборки.

Полученные результаты и их новизна: в процессе исследования была охарактеризована творческая индивидуальность Лу Яо в контексте истории китайской литературы, выявлены особенности и виды переводческих стратегий и трансформаций при переводе с китайского языка. Впервые в белорусском китаеведении исследована концептуализация индивидуального стиля китайского писателя Лу Яо посредством выявления особенностей функционирования и степени сохранности авторского замысла в переводе повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» на русский язык.

Достоверность материалов и результатов дипломной работы: научные выводы, содержащиеся в дипломной работе, обоснованы и аргументированы. Методологическая база имеет комплексный характер. Исследование проведено с учетом достижений русского, зарубежного и белорусского языкознания и переводоведения, что обеспечивает обоснованность выводов, сформулированных в дипломной работе.

Область применения: результаты исследования могут быть использованы при написании курсовых работ по китайскому языку, современной китайской литературе и творчеству Лу Яо, при преподавании дисциплин по теории и практики перевода.

Анатацыя

Семчанка Марыя Вітальеўна

Спецыфіка мастацкага перакладу прозы Лу Яо на рускую мову (на прыкладзе перакладаў аповесці «Лёс» і рамана «Звычайны свет»)

Структура і аб'ём дыпломнай працы: работа складаецца з уводзінаў, чатырох частак, заключэння, спіса выкарыстаных крыніц, двух дадаткаў; аб'ём – 66 с., спіс выкарыстаных крыніц – 52 крыніцы.

Ключавыя словы: Лу Яо, сучасная кітайская літаратура, мастацкі пераклад, адэкватнасць, эквівалентнасць, перакладчыцкія трансфармацыі, раман, аповесць.

Аб'ект даследавання: арыгінал і пераклад тэкстаў прозы Лу Яо: аповесць «Лёс» («人生» 1982 г.), раман «Звычайны свет» («平凡的世界», 1986 г.).

Прадмет даследавання: аналіз асаблівасцей перакладу і выяўленне асноўных перакладчыцкіх стратэгий і трансфармацый у аповесці «Лёс» і рамана «Звычайны свет» на рускую мову.

Мэта даследавання: выявіць асаблівасці мастацкага перакладу прозы кітайскага пісьменніка Лу Яо на рускую мову.

Метады даследавання: культурна-гістарычны, дэскрыптыўны, кампаратыўны метады з кантэкстуальным і лінгвастылістычным аналізам мастацкага тэксту праз метады камбінаванай выбаркі.

Атрыманыя вынікі і іх навізна: у працэсе даследавання была ахарактарызавана творчая індывідуальнасць Лу Яо ў кантэксце гісторыі кітайскай літаратуры, выяўлены асаблівасці і віды перакладчыцкіх стратэгий і трансфармацый пры перакладзе з кітайскай мовы. Упершыню ў беларускім кітаязнаўстве даследавана канцэптуалізацыя індывідуальнага стылю кітайскага пісьменніка Лу Яо праз выяўленне асаблівасцей функцыянавання і ступені захаванасці аўтарскай задумы ў перакладзе аповесці «Лёс» і рамана «Звычайны свет» на рускую мову.

Дакладнасць матэрыялаў і вынікаў дыпломнай працы: навуковыя высновы, што змяшчаюцца ў дыпломнай рабоце, абгрунтаваны і аргументаваны. Метадалагічная база мае комплексны характар. Даследаванне праведзена з улікам дасягненняў рускага, замежнага і беларускага мовазнаўства і перакладазнаўства, што забяспечвае абгрунтаванасць высноў, сфармуляваных у дыпломнай рабоце.

Галіна магчымага практычнага прымянення: вынікі даследавання могуць быць скарыстаны пры напісанні курсавых работ па кітайскай мове, сучаснай кітайскай літаратуры і творчасці Лу Яо, пры выкладанні дысцыплін па тэорыі і практыцы перакладу.

Annotation

Semchenko Maria Vitalievna

Specificity of artistic translation of Lu Yao's prose into Russian language (on the example of translations of novels «Destiny» and «Ordinary World»)

Structure and scope of the diploma work: the diploma work consists of an introduction, four chapters, a conclusion, the list of used sources and two appendixes; Scope - 66 p., list of used sources - 52 sources.

Keywords: Lu Yao, modern Chinese literature, literary translation, adequacy, equivalency, translation transformations, novel.

The object of the research: Lu Yao's original and translated texts of prose: the novel «Destiny» («人生», 1982), the novel «Ordinary World» («平凡的世界», 1986).

The subject of the research: analysis of translation features and main translation strategies and transformations in novels «Destiny» and «Ordinary World» in Russian.

The purpose of the research: to study the features of the literary translation of the prose of the Chinese writer Lu Yao into Russian.

Methods of research: cultural-historical, descriptive, comparative methods with a contextual and linguo-stylistic analysis of a literary text through combined selection method.

The results of the work and their novelty: in the diploma work, the creative personality of Lu Yao in the context of the history of Chinese literature was characterised, the features and types of translation strategies and transformations, during translating from Chinese, were identified. For the first time in Belarusian sinology the conceptualisation of the individual style of the Chinese writer Lu Yao was investigated by means of revealing the peculiarities of functioning and the degree of preservation of the author's idea in translations of novels «Destiny» and «Ordinary World» into Russian.

Authenticity of the materials and results of the diploma work: scientific thesis contained in the diploma work are substantiated and argued. The methodological basis has a comprehensive character. The research is carried out taking into account the achievements of Russian, foreign and Belarusian linguistics and translation studies, which ensures the validity of the conclusions formulated in the diploma work.

Recommendations on the usage: the results of the research can be used in writing term papers on Chinese language, modern Chinese literature and Lu Yao's works, in teaching the theory and practice of translation.

ВВЕДЕНИЕ

Ван Вэйго (王卫国), более известный под псевдонимом Лу Яо (路遥, 1949-1992), – современный китайский писатель начала 1980-х гг. Творческое наследие Лу Яо составляют повесть «Трогательные сцены» («惊心动魄的一幕», 1980 г.), которая в 1982 г. была удостоена Национальной премии в категории «Лучшая повесть», и повесть «В трудные дни» («在困难的日子里», 1982 г.), которая в 1982 г. получила премию журнала «Современность» («当代»). В том же году Лу Яо был принят в Ассоциацию китайских писателей. Затем были изданы сборники рассказов «Любовь старшей сестры» («姐姐的爱情», 1985 г.) и «Избранные рассказы Лу Яо» («路遥小说选», 1985 г.).

Повесть Лу Яо «Судьба» («人生», 1982) получила множество наград, в том числе Национальную премию 1982 г. за выдающиеся повести для среднего класса и была удостоена Национальной премии в категории «Лучшая повесть» в 1985 г., а сам Лу Яо стал лауреатом Всекитайской литературной премии 1983 года. 27 сентября 2018 г. повесть «Судьба» была включена в список самых влиятельных книг в рамках 40-ой годовщины политики реформ и открытости Китая («中国改革开放四十周年最有影响力小说»). Повесть «Судьба» Лу Яо была переведена на русский язык в 1988 г. Семановым Владимиром Ивановичем [40].

Роман Лу Яо «Обыкновенный мир» («平凡的世界», 1986) был впервые издан в декабре 1986 года и, сразу получив признание современников, вызвал неоднозначную реакцию критиков, тем не менее, глубоко повлиял на китайскую общественность. Роман «Обыкновенный мир» получил множество наград, в том числе и наиболее престижную литературную премию имени Мао Дуня (茅盾文学奖) в 1991 году. В апреле 2020 года роман вошел в учебную программу для учащихся китайских средних школ, а в мае 2020 года был рекомендован к прочтению Китайской академией искусств. Роман «Обыкновенный мир» Лу Яо был переведен на русский язык в 2023 г. Дрейзис Юлией Александровной [39].

На современном этапе развития переводоведения как самостоятельной науки исследования в области художественного перевода являются значимым и актуальным направлением, основной целью которого является получение в равной степени эквивалентных и адекватных по отношению к оригиналу переводов и достижение всестороннего обмена информацией в сфере мировой художественной литературы. Современной тенденцией в рамках исследования переводоведения художественных текстов является популяризация сферы функционирования китайского языка в качестве исходного языка процесса перевода. Однако несмотря на долгий период существования данного течения

переводоведения художественных текстов, переводы с китайского языка все еще представляют определенного рода трудности, которые непосредственно связаны со спецификой системы китайского языка.

Таким образом, данная дипломная работа направлена на исследование проблем перевода с китайской языковой системы на переводящий русский язык, позволяющее на практическом примере проанализировать особенности функционирования художественного текста на языке оригинала и воссоздания этого же текста путём художественного перевода на переводящий язык на примере повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» Лу Яо.

Отметим, что белорусскими и русскими исследователями составлено лишь небольшое количество учебных пособий по практике перевода с китайского языка на русский. Статьи и доклады, написанные в основном в период развития советской школы перевода, носят лишь научно-теоретический характер, не углубляются в практическое применение навыков художественного перевода. Таким образом, **актуальность** данной работы обусловлена необходимостью развития теоретической и практической базы в отношении переводоведения художественных текстов с китайского языка на русский язык, а также углублением понимания значимости перевода художественной литературы как репрезентации национальной культуры.

Новизна исследования заключается в следующем: впервые в белорусском китаеведении исследована концептуализация индивидуального стиля китайского писателя Лу Яо через выявление особенностей функционирования и степени сохранности авторского замысла в переводе повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» на русский язык, выполненных Владимиром Ивановичем Семановым и Юлией Александровной Дрейзис соответственно.

Полученные в ходе данной работы результаты можно использовать для последующего изучения применения на практике теории перевода художественных текстов и для создания с учетом полученного в сфере художественного перевода опыта перевода повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» Лу Яо на белорусский язык.

Таким образом, **цель дипломной работы** – исследовать особенности художественного перевода прозы китайского писателя Лу Яо на русский язык.

Реализация поставленной цели определяет следующие **задачи** исследования:

1. Выявить факторы формирования творческой личности Лу Яо;

2. Исследовать перевод художественной литературы как отдельный вид переводческой деятельности, а также выявить особенности, виды переводческих стратегий и трансформаций при переводе художественного текста;

3. Рассмотреть понятия адекватности и эквивалентности перевода художественного текста;

4. Выявить используемые в текстах повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» Лу Яо переводческие трансформации и преобразования с последующим сопоставительно-стилистическим анализом текста оригинала и текста перевода.

Основным **объектом** исследования являются оригинальные тексты повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» Лу Яо, а также переводы данных произведений на русский язык, выполненные В. И. Семановым и Ю. А. Дрейзис соответственно.

Предметом исследования является анализ особенностей перевода и выявление основных переводческих стратегий и трансформаций, использованных в произведениях Лу Яо «Судьба» и «Обыкновенный мир».

Комплексный подход к изучению заявленной проблемы обусловил **методологию исследования**, основой которого являются культурно-исторический, дескриптивный, а также компаративный методы с целостным, контекстуальным и лингвостилистическим анализом художественного текста. Фрагменты оригинальных текстов и переводов на русский язык повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» выбраны для анализа посредством метода комбинированной выборки.

Теорико-методологической основой дипломной работы являются труды В. В. Алимova [4], Т. В. Журавель [14], Т. А. Казаковой [15], Т. В. Ковалевой [16], В. Н. Комиссарова [17-21], Л. С. Бархударова [7, 8], Я. И. Рецкера [27, 28], Ю. А. Дрейзис [39], В. И. Семанова [40], И. В. Кочергина [22], М. П. Алексеев [2, 3], Ю. В. Молотковой [25], А. Д. Швейцера [34, 35], В. Ф. Щичко [37], А. Ю. Серебряковой [29], Е. В. Шелестюк [36], Л. К. Латышева [23], Лу Яо [49, 50], Ли Луня [24], Мао Дуня [51], Гао Цзяньцуня [52], Чжан Хунцю [47], Го Цзинлуна [25].

Результаты дипломной работы были апробированы на 80 (2023 г.) и 81 (2024 г.) конференции студентов и аспирантов БГУ. Имеется публикация статьи «Лексико-грамматические и стилистические особенности перевода повести Лу Яо «Судьба» на русский язык» в сборнике «Мова і літаратура» 2023 г. По результатам 81 конференции студентов и аспирантов БГУ статья «Лексико-грамматические и стилистические особенности перевода романа Лу Яо

«Обыкновенный мир» на русский язык» рекомендован к публикации в сборник «Мова і літаратура» 2024 г.

Структурно дипломная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и двух приложений.

ГЛАВА 1. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЛУ ЯО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XXI В.

Ван Вэйго родился в бедной крестьянской семье, испытывавшей серьезные материальные трудности. Младший брат Лу Яо, Ван Тяньлэ (王天乐), вспоминает, что *«...нам действительно нечего было есть. Когда мой брат [Лу Яо] был голоден, он убегал в поле и собирал кислые финики, дикие овощи, корни трав – всё, что не было горьким или ядовитым, лишь бы заполнить пустоту в желудке»* [47].

Родители будущего писателя не могли обеспечить всех своих детей, поэтому в возрасте семи лет отдали Лу Яо на воспитание в семью дяди. Однако дядя держал Лу Яо в доме в качестве рабочего, выполняющего различные обязанности, им даже были предприняты попытки запретить Лу Яо посещать школу [45].

В записанной беседе, которую хранит редактор литературного отдела Центрального народного радио, Е Юнмэй (叶咏梅), Лу Яо отмечает: *«Когда я был ребенком, я хотел написать рассказ длинной в миллион слов, я хотел написать о моей родной жёлтой земле, о простых людях, окружавших тогда меня»* [45]. Желание писать о деревне, крестьянах имеет тесную связь с детством Лу Яо.

Несмотря на бытовые и семейные трудности, Лу Яо отличался особым рвением к учебе и конкурентоспособностью среди других учеников. Учитель младшей школы, Чэн Госян (程国祥), вспоминает, что Лу Яо всегда был глубоко увлечен книгами и журналами. Чэн Госян также отмечал, что *«в отличие от других детей с похожей жизненной ситуацией Лу Яо даже в самые тяжелые моменты не показывал своей подавленности и угнетенности, он всегда оставался оптимистом»* [45].

Когда в сельской школе стали проводить вокальные и литературные конкурсы, Лу Яо сразу же присоединился к новому кружку. Помимо чтения ему также доставляло удовольствие петь народные песни, рассказывать истории и частушки одноклассникам и учителям. Учителя и члены школьного совета симпатизировали Лу Яо и всячески старались дать ему возможность проявить себя. Так, классный руководитель младшей школы Лу Яо решил организовать мероприятие в рамках литературного кружка и поручил Лу Яо сделать афишу для данного мероприятия. В такие моменты Лу Яо чувствовал себя по-настоящему счастливым, так как видел возможность посредством своего таланта выбраться из нищеты и получить общественное признание [45].

Тем не менее, невысокое материальное и общественное положение семьи Лу Яо накладывало отпечаток на школьную жизнь будущего писателя. Писатель Гао Цзяньцюнь (高建群) в статье «Несколько заметок о Лу Яо» («关于路遥的二三事», 2019 г.) рассказал однажды услышанную им историю, произошедшую в подростковом возрасте с Лу Яо: *«В классе Лу Яо был одноклассник из семьи с неплохим материальным достатком, поэтому имея карманные деньги, он время от времени покупал себе вкусную выпечку, которой дразнил Лу Яо, приказывая прыгать за булочкой как собаке за добычей»* [45].

После окончания средней школы в конце 1960-х – начале 1970-х гг., ввиду отсутствия денежных средств, Лу Яо окончательно потерял надежду на получение университетского образования. Поэтому будущим писателем было принято решение вернуться в родную деревню и продолжить работу на полях. Данный выбор дался Лу Яо особенно мучительно, поскольку его детские мечты достичь высокого социального положения и общественной значимости и переехать в город были оставлены. Однако наступающая Культурная революция (1966-1976 гг.) стала для Лу Яо действительной возможностью реализации своих намерений [47].

После начала Культурной революции (文化大革命, 1966-1976 гг.) таланты Лу Яо в области риторики и умение грамотного структурирования речи и публичных высказываний получили применение и признание среди других участников Культурной революции. Безгранично восхищаясь Мао Цзэдуном (毛泽东, 1893-1976 гг.), Лу Яо с большим энтузиазмом примкнул к подпольной повстанческой борьбе: ходил на собрания, зачитывал критические замечания и получал аплодисменты, расклеивал плакаты, скандировал лозунги и собирал толпы зрителей. Под псевдонимом «Ван Тяньсяо» (王天笑) он написал несколько плакатов и статей критического содержания, вследствие чего стал руководителем классовой красногвардейской организации «Гора Цзингань» («井冈山») [47]. В момент разделения уездных революционных масс на две фракции, Лу Яо был избран лидером одного из лагеря – «Четвёртый революционный полевой отряд» («红四野») – и назначен его руководителем. В 1968 году был включен в состав Революционного комитета уезда Яньчуань в качестве представителя масс, и занял пост заместителя директора [47].

Однако после Девятого национального конгресса (1969 г.) успех Лу Яо в Культурной революции постепенно начал убавляться. Будущий писатель был снят с должности заместителя директора уездного Революционного комитета во время политической кампании по «классовой чистке» ввиду его политических выступлений и начала преследования революционных кадров, принимавших

участие в Культурной революции. В конце 1969 года Лу Яо был выслан обратно в деревню Гоцзягоу (郭家沟), где продолжил заниматься сельским хозяйством [47].

Только после завершения своей политико-революционной «карьеры» в конце Культурной революции, в попытках найти новый жизненный путь Лу Яо обратился к литературе, ставшей для него новым полем для самоутверждения и самореализации. В то время Лу Яо посчастливилось стать сельским учителем, освобожденным от крестьянской работы, которая так сильно тяготила будущего писателя. Вскоре получив должность кадрового работника газеты коммунистической бригады уездного издания «Культура Яньчуань» («延川县文化»), Ван Вэйго шаг за шагом начал прокладывать себе путь литератора и писателя [47]. К завершению Культурной революции Лу Яо уже был широко известен в Шэньси, и дальнейшие перспективы его творческого пути оценивались весьма благоприятно.

Свою сознательную литературную карьеру Лу Яо начал с написания стихов, затем постепенно стал обращаться к эпосу. С 1970 г. наблюдается творческое восхождение Лу Яо: небывалое количество произведений в сравнении с коллегами-сверстниками, его тексты отличались высоким художественным уровнем и качеством. Поэзия этого периода, за исключением «Песни красногвардейцам» («红卫兵之歌», 1974 г.), была близка к крестьянской тематике. О себе в тот период писатель говорил так: *«Себя я чувствовал, будто снова ощутил настоящую жизнь, окунулся в атмосферу человеческой доброты, которой я так жаждал, и мое каменное сердце начало смягчаться, мое мышление вышло на новый уровень, и я испытал дикий стыд за ту «ненормальную» жизнь, которую вёл последние несколько лет»* [47].

В предисловии к сборнику стихов Цао Гуси (曹谷溪) «Моя северная Шэньси» («我的陕北», 1991 г.) Лу Яо пишет о литературе, как о «давно забытом слове», литература целиком и бесповоротно изменила его жизнь, его тип мышления и собственное «я», заставила забыть о кошмарных годах Культурной революции. К тому же именно литература способствовала знакомству Лу Яо с Цао Гуси [47].

В 1973 г. в связи с возобновлением деятельности журнала «Литература и искусство Шэньси» («陕西文艺») главные редакторы Хэ Шуюй(贺抒玉) и Вэнь Бинь (问彬) прибыли в Яньчуань с целью сбора материалов для сборника «Горные цветы» («山花»). Именно Цао Гуси был тем, кто порекомендовал им «Красный флаг победы» («优胜红旗», 1973 г.) Лу Яо. Прочитав данный роман, редакторы были восхищены и приятно удивлены: «Кроме того, что роман

повествует об истории, связанной с лозунгом «Учиться у Дачжяя сельскому хозяйству!», так еще и написан ясно и четко, с осознанием жизни, а история главного героя весьма содержательна» [47]. Роман «Красный флаг победы» относится к тематике крестьянского быта и деревни и является примером литературы поиска корней, в нем также присутствует некоторое количество продвигаемой коммунистической партией политической «цензуры», что также способствовало продвижению романа в массы. Для сравнения, более поздние произведения Лу Яо, такие как «Оба, отец и сын» («父子俩», 1976 г.), «Серебряный цветок» («银花灿灿», 1974 г.), «Сверкающий свет» («灯火闪闪», 1975 г.) становятся более политизированными и теряют приземлённый, бытоописательный характер [47].

Однако помимо литературоведческих целей, вызванных личным интересом и желанием писать, Лу Яо также преследовал желание достичь успеха и завоевать популярность. Так, в 1974 г. Лу Яо совместно с Цзинь Гу (金谷) написали лирическую поэму политического содержания «Песня красногвардейцев» («红卫兵之歌», 1974 г.). Произведение является своеобразным гимном, воспевающим могущество Красной гвардии, в чем проявляется равнодушное отношение Лу Яо к заданному коммунистической партией курсу. К тому же центральное место в поэме занимает сцена, описывающая личный опыт писателя в подпольной деятельности [47].

В 1973 г. Лу Яо подает документы для поступления в Пекинский университет. Однако, несмотря на всё литературное достояние Лу Яо, его революционное прошлое стало причиной отказа в поступлении. Так же поступил и университет Яньаня. Будучи свидетелем череды отказов, директор департамента культуры и образования уезда Яньчуань приехал в Яньань и лично продемонстрировал сборник «Горные цветы», в который вошел роман Лу Яо, директорату местного университета. В результате поручительства директора департамента культуры и образования в 1973 г. Лу Яо был наконец принят в университет и после выпуска получил должность в редакции газеты «Яньхэ» («延河») [47].

Приобретенный опыт Лу Яо в качестве участника Культурной революции оказал непосредственное влияние на темперамент, характер, психику и духовную составляющую писателя. Так, в бесконечной погоне за признанием, в рамках личности писателя был сформирован «синдром главного героя», с которым Лу Яо не мог побороться до конца своей жизни. Гао Цзяньцюнь (高建群), вспоминая о Лу Яо, часто говорил: *«В этом отдаленном уголке земли есть несколько своеобразные люди. Они упрямы. Но в тоже время они наивны и добры. Их*

сердца чище неба, а их жизни тоньше бумаги... Они мечтают стать героями, слагать истории о себе, лишь бы остаться в памяти последующих поколений...» [47].

Из немногочисленных статей и рецензий, посвященных Ван Вэйго, «Несколько заметок о Лу Яо» Гао Цзяньцюня являются наиболее авторитетным и достоверным источником биографических сведений о писателе. Так, согласно Гао Цзяньцюня, «синдром главного героя» Лу Яо прошел три стадии прогрессии: «комплекс» страдания, «комплекс» политического тупика и «комплекс» отчаяния.

Первый «комплекс» страданий уходит корнями в тяжелое детство писателя. Лу Яо, росший в нищете и голоде, постоянно подвергался насмешкам и унижениям со стороны сверстников. Справиться со сложившейся ситуацией Лу Яо пытался постепенно, через полученный опыт: он трансформировал пережитые им страдания и следующие за ними душевные терзания в капитал, который впоследствии был использован для создания духовно превосходящей других личности [47].

Литература, ставшая для Лу Яо в этот период времени новым увлечением, не способна была отвечать требованиям формирующегося «комплекса» писателя, ввиду отсутствия необходимого для Лу Яо волевого характера у персонажей литературных произведений. Поэтому основным примером подражания для Лу Яо стал Мао Цзэдун. Об этом периоде жизни писатель вспоминает так: *«Я помню, что однажды, будучи подростком, я в одиночку поднялся на гору во время сильной бури. Когда гром и молния были, казалось, совсем рядом, я прыгнул с горной вершины почти не раздумывая. Так я пытался выработать ловкость и координацию действий в опасный для жизни момент» [47].*

Лу Яо идеализировал своё страдание, возвышал его, тем самым скрывал свои действительные слабости. Доказательством того может служить повесть «В трудные дни» («在困难的日子里», 1982 г.), являющееся описанием пережитого Лу Яо голода во время учёбы в средней школе. Столкнувшись с голодом, Ма Цзяньцян (马建强), главный герой повести, предпочитает голодную смерть, нежели пройти через унижения: *«Однажды, когда мы работали на холме за учебным кампусом, Чжоу Вэньмин сунул мне в руку уже откусанную булочку, которую ел на глазах других учеников, демонстрируя своё превосходство и разыгрывая нищего меня. Оскорбление было настолько возмутительным, что я почувствовал, как кровь припала к моему лицу. Я молча взял эту милостыню и рывком бросил её в помойную яму» [47].*

Найдя идеал для мотивации в лице Мао Цзэдуна, Лу Яо продолжал намеренно создавать трудности в своей «новой», послереволюционной жизни: *«При написании книги [«Утро начинается в полдень» «早晨从中午开始», 1991 г.] я уже проникся духом страдания и жертвенности, и мне больше не нравилось работать в комфортных условиях ... тяжёлые условия, как в угольных шахтах, соответствовали моим требованиям. Для того, чтобы исполнить свою мечту, человек не должен испытывать ни малейшего сострадания к самому себе, он должен намеренно броситься в самое пекло. Комфорт должен быть отброшен ... ведь только в разгар бури можно лететь с величием...»* [47].

«Комплекс» Лу Яо прогрессировал до такой степени, что он решил восполнить свой психологический дисбаланс физическим. Выполняя физические упражнения, несмотря на свою реальную спортивную неподготовку, он подражал Мао Цзэдуну. Однако писатель хотел получить не физическую форму превосходства, а моральное успокоение, средством достижения которого было подражание кумиру. Лу Яо полагал, что, преодолев искусственно созданное препятствие, можно придать себе уверенности. Тем самым, его заикленность на «страданиях» переросла в зависимую потребность стать лучше: *«Я понял, что все люди в этом мире гораздо умнее меня. Сквозь слезы я снова и снова спрашивал себя: “Почему ты хуже других? Как ты докатился до такого?”»* [47].

На первый взгляд можно сказать, что потакания себе и неспособность идентифицировать своё «я» привели Лу Яо в такое затруднительное жизненное положение, однако писатель отдавал отчёт своим действиям, отождествлял их с реальностью и был доволен своим состоянием. Писатель верил, что страдания могут принести славу, поэтому и делал себя несчастным, чтобы обрести иллюзию победы.

Свое нездоровое «безумие» успеха Лу Яо зачастую вкладывал в создание иррационального образа героев своих произведений. Например, Тянь Жунь в романе «Обыкновенный мир» («平凡的世界», 1989 г.) изображен автором как персонаж с приятной внешностью, однако со страшным внутренним миром. Состояние внутреннего мира Тянь Жунь является прямой отсылкой к психологическому состоянию Лу Яо: он, как и писатель, подвержены внутренним страданиям, они оба обладают определенными идентичными чертами характера. Сунь Шаоань и Сунь Шаопин, главные герои романа «Обыкновенный мир», как и Лу Яо, стремятся побороться с бедностью, они самосовершенствуются, полагаясь на собственное упорство в борьбе с уготованной им судьбой, и достигают нравственного самосовершенствования. К тому же Лу Яо изображает Сунь Шаоаня и Сунь Шаопина как два противоположных образа: Сунь Шаоань

решительно настроен изменить свою судьбу в рамках жизни в деревне, в Сунь Шаопин – беглец, наоборот стремящийся интегрироваться в городскую жизнь. Истории Сунь Шаоаня и Сунь Шаопина порождают две крайности борьбы китайского деревенского населения: возвращение к своим национальным корням и уход от корней.

После окончания Культурной революции Лу Яо стал председателем Федерации литературы провинции Шэньси. Многие коллеги писателя считали, что его темперамент подходит больше для политики, нежели для литературы. В своих произведениях при описании сложных политических взаимоотношений между чиновниками на уровне различных административно-территориальных единиц Лу Яо пытался скрасить сюжет любовным конфликтом. Так, в романе «Обыкновенный мир» сюжет окольцован вокруг любовного треугольника, оппозиционерами в котором стали богатые и бедные. Сунь Шаоань, Сунь Шаопин и Сунь Ланьсян – все они люди низкого социального статуса, тем не менее им удалось одержать победу над высокопоставленными начальниками. Необходимо отметить, что отцы соперников братьев Сун занимают высокие бюрократические посты, однако в денежном плане вовсе не богаты, что является подтверждением того, что Лу Яо ценит социальный статус и личностную идентичность больше, чем материальное богатство. Так «комплекс» страданий плавно перерос в «комплекс» политического тупика.

«Комплекс» политического тупика Ван Вэйго проявляется не только в стремлении полного жизненного соответствия государственной идеологии, но также непосредственно влияет на концепцию литературного творчества Лу Яо в целом. Писатель стремится построить успешную жизнь, но та реальность, в которой он существует, не даёт ему возможности реализовать свои амбиции. В результате Лу Яо вынужден самоутверждаться в виртуальном мире: *«Я решил написать масштабную книгу, которая должна стать, если не самой крупной по объёму, то по крайней мере, самой значимой в моей жизни ...»* [47]. Однако «большая книга» не кажется писателю апогеем его литературной мысли, в ней больше внимания уделяется масштабности и количеству, что также соотносится с политикой коммунистической партии в стремлении получить количественные результаты, а не качественные. Первая цель Лу Яо – преодолеть отметку в 130 000 иероглифов – была реализована, и в ноябре 1982 г. издательством «China Youth Press» была опубликована повесть «Судьба» («人生»). Далее шаги стали смелее. Их успешное достижение будоражило сознание Лу Яо, а новые эмоции от триумфа гармонично сочетались с его психологическим состоянием.

Огромный контраст между кратковременной славой революционной карьеры Лу Яо и последовавшей за ней крестьянской нищетой сформировал чувство безысходности, от которого писатель не мог избавиться до конца своей жизни. Даже на пике своего литературного творчества Лу Яо был озадачен и угнетен. Чэнь Цзэшунь (陈泽顺), секретарь Цикарского горкома КПК, вспоминает: *«Когда «Судьба» получила главный приз и стала национальной сенсацией, Лу Яо обессиленно рухнул в кресло, будто почувствовал бессмысленность своего достижения. Он впал в апатию, опасаясь, что все его достижения – это всего навсего мыльный пузырь, который способен лопнуть и исчезнуть в любую секунду»* [47].

Конечной точкой, повлиявшей на формирование «комплекса» отчаяния у Лу Яо стала неудачная история любви: его возлюбленная Линь Хун (林红) рассталась с Ван Вэйго, отдав предпочтение успешному, имеющему стабильный карьерный рост, офицеру. Предлогом для ухода Линь Хун также стало отстранение Лу Яо от должности заместителя директора Революционного комитета и его возвращение в деревню к крестьянскому труду. Спустя несколько лет после случившегося Лу Яо рассказал своему другу Гао Цзяньцюну о несчастной любви, рассказал и о том, что Линь Хун пришла к нему с раскаянием после получения писателем премии Мао Дуня [47]. На момент ухода Линь Хун писатель уже страдал от своего поражения в революции, мучился из-за отстранения от должности заместителя директора Революционного комитета. Исчезновение возлюбленной из жизни Лу Яо стало последней каплей, которая полностью раздавила его, вызвала глубочайшее отчаяние у писателя. Полученный «комплект» неудач эволюционировал в прогрессирующую апатичность, которая проявилась в крайнем стремлении Лу Яо к успеху и чрезмерной чувствительности к невезениям и проигрышам.

Лу Яо предчувствовал конец своего творческого пути и незадолго до смерти лично составил сборник «Избранные рассказы Лу Яо» («路遥小说选», 1985 г.), как способ попрощаться со своей литературной юностью. В декабре 1992 г. Лу Яо умер от цирроза печени в Сиане.

После смерти Лу Яо Гао Цзяньцюном была дана оценка личности писателя: *«Лу Яо есть персонаж его же произведений, полный противоречий и парадоксов. Возможно, сам по себе он был более успешным, более глубокомыслящим и более уникальным, чем любой из его художественных героев, но, к сожалению, его преждевременная смерть сделала невозможным реализацию всего его творческого потенциала. Это огромная потеря для нас!»* [47]. Также он подчёркивает, что *«если бы Лу Яо смог разобраться со всеми своими внутренним*

взысканиями, наверняка появились бы еще более великие и прекрасные, чем «Судьба» и «Обыкновенный мир», произведения» [47].

Отдавая дань уважения Лу Яо, его друг Ли Тяньфан (李天芳) сказал: «Что бы ни говорили люди о Лу Яо в будущем, и как бы литературоведы и критики ни отзывались о его произведениях, мне кажется, что на своём жизненном пути, полном борьбы, Лу Яо всегда имел подсознательную точку опоры в виде литературы, которая могла бы полностью и окончательно избавить его от многих унижений, принесенных писателю его несчастным и бедным детством, однако он так и не смог осуществить желаемое» [47]. Таким образом, перепробовав себя в различных социальных и профессиональных сферах, душевно нестабильный, ранимый и крайне чувствительный Лу Яо не мог справиться с болезненным «самокопанием» и был вынужден бороться с «синдромом главного героя» до конца своих дней. А все его жизненные метания, объединенные одной общей целью, идентифицировать себя как личность, были провалены. События этого периода его жизни наложили неизгладимый отпечаток на личность Лу Яо, и в дальнейшем повлияли на его творчество.

Выводы по Первой Главе:

1) Основополагающими факторами, оказавшими непосредственное воздействие на формирование личности Лу Яо, а в дальнейшем повлиявшими на концепцию творчества писателя в целом, стали события личной и общественной жизни автора. Трудное детство вдали от семьи и родной деревни, постоянные унижения и угнетения со стороны сверстников, революционно-повстанческая деятельность Лу Яо в период Культурной революции и ее итоги, возвращение к крестьянскому труду определили психологические комплексы Лу Яо и сформировали определенные тематические блоки («литература поиска корней», «деревенская проза» и «городская проза», проблема замкнутости и отсталости деревни и невозможность взаиморазвития и взаимодействия городской и деревенской среды) и образы (образ студента-революционера, образ крестьянина, образ городского рабочего и т. д.) в творчестве писателя.

2) Первые произведения, написанные Лу Яо в период с 1970 г. по 1976 г., – в основном это были стихи и поэмы, небольшие по объему, – относятся к повстанческой тематике и отражают революционный опыт писателя («Красный флаг победы», «Песни красногвардейцам», «Оба, отец и сын», «Серебряный цветок»). Начиная с 1976 г. повстанческая тематика в произведениях Лу Яо была заменена социальной, главными героями которой стали представители сельской местности, часто идущие в сравнении с жителями города. Помимо изменений содержательного уровня произведений Лу Яо, трансформации также

подвергается и форма произведений: происходит переход к прозаическим произведениям («В трудные дни», «Старшая сестра», «Утро начинается в полдень», «Судьба», «Обыкновенный мир»).

3) Интерес к творчеству Лу Яо обусловлен наполненностью произведений писателя историческим контекстом периода и постпериода Культурной революции. Так, в рассказах «В трудные дни», «Утро начинается в полдень», в повести «Судьба» и романе «Обыкновенный мир» отражаются характерные для китайского общества того времени изменения и преобразования, трудности, с которыми сталкиваются простые люди, и их переживания, вследствие чего, посредством конкретных образов Лу Яо создает обобщенные образы всего китайского социума, а композиция данных произведений зачастую содержит приемы противопоставительного анализа городских и деревенских образов. К тому же творчество Лу Яо этого периода относится к «литературе поиска корней» и «новой деревенской прозе», что также является немаловажным для изучения основных литературных течений и создания целостной картины всего литературного процесса Китая второй половины XX в.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

2.1 Перевод прозы как отдельный вид художественного перевода

Художественный перевод – отдельная отрасль переводоведения как дисциплины, основная цель которой заключается в получении адекватных и эквивалентных оригинальному тексту переводов для достижения и установления межкультурной коммуникации в области мировой художественной литературы. В узком значении художественный перевод представляет собой процесс обработки и переработки языковых единиц исходного текста под правила и нормы лингвистической системы переводящего языка.

По мнению Т. В. Ковалевой, перевод художественного текста можно определить, как «вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на другом» [16]. Об необходимости языкового соответствия оригинального текста и полученного перевода также говорит Мао Дунь и предлагает рассматривать перевод художественных текстов как возможность использования иного языкового средства для передачи художественного настроения оригинального произведения [51]. В. Н. Комиссаров же под понятием перевода художественного текста подразумевает «переводческую деятельность, при которой на переводном языке создается такое произведение, которое в переводном языке может оказать художественно-эстетическое воздействие» [17].

Помимо лингвистических абстракций непосредственное влияние на качество художественного перевода оказывают транслингвистические факторы: культурные реалии, политическая и экономическая ситуации, социальная структура общества, различные сферы искусства, философские суждения, религиозные практики и т. д. Выше изложенные аспекты воздействуют на точность перевода исходному тексту и формируют важную отличительную черту переводоведения художественных текстов, которая зиждется на возможности существования различных вариантов и интерпретаций переводов оригинального текста – феномен переводной множественности, согласно которому выполненные разными переводчиками переводы исходного текста можно назвать текстовыми синонимами, однако при этом структурные и форменные различия данных вариантов перевода могут быть существенными.

Профессор в области английского переводоведения, Т. А. Казакова, в пособии «Художественный перевод» дает следующее определение

художественного перевода: «Художественный перевод — это особый вид интеллектуальной деятельности, в процессе которой переводчик устанавливает информационное соответствие между языковыми единицами исходного и переводящего языков, позволяющее создать иноязычный аналог исходного художественного текста в виде вторичной знаковой системы, отвечающей литературно-коммуникативным требованиям и языковым привычкам общества на определенном историческом этапе» [15].

Китаист и переводчик, М. П. Алексеев, в учебном пособии «Проблема художественного перевода» рассматривает перевод художественного произведения, как «средство ознакомления читателей с произведением иностранного слова». М. П. Алексееву также принадлежит разработка трехъярусной системы перевода художественных произведений: дословный перевод оригинала, точный перевод оригинала и подробные объяснения самого переводчика [2]. Таким образом, можно резюмировать, что перевод художественного произведения – это акт перехода нового из одного культурного пространства в иное. К тому же перевод художественной прозы можно также определять, как способ управления новым, то есть преобразование нового под законы и правила переводящей языковой структуры и менталитетных воззрений, однако с сохранением культурного, мировоззренческого и лингвистического своеобразия исходного текста.

Художественный перевод прозы представляет собой отдельную отрасль переводоведения художественных текстов, несущую в себе ряд трудностей и особенностей, препятствующих воссозданию оригинального подлинника в системе переводящего языка. В то же время перевод художественной прозы – это не только стремление к языковому соответствию исходной и переводящей языковых систем, художественный перевод прозы есть также использование литературного языка, отвечающего стилю оригинального художественного произведения для наиболее точного воспроизведения содержания и формы объекта перевода в другой языковой среде.

Наряду с необходимостью передачи содержания и формы оригинала, художественные переводы прозы также должны подчеркивать стилистические особенности произведения, речевую многозначность, синонимию, антонимию, что даёт возможность фиксировать тончайшие оттенки значений лексики исходного текста и передать их в точности на другом языке.

Отличительной чертой художественного текста прозы является образно-эмоциональное воздействие на читателя, которое достигается путем использования огромного количества разнообразных образно-выразительных

языковых средств и стилистических фигур: эпитетов, метафор, гипербол, анафор, инверсий, антитез, ритмико-синтаксического построения фразы и т.д. Наличие тропов и фигур речи в значительной степени затрудняет перевод, так как перед переводчиком стоит задача по адаптации образно-выразительных средств речи в другую языковую систему с учетом лингвистической специфики переводящего языка и особенностей типа мышления получателей перевода.

Следующей проблемой при выполнении художественного перевода прозы являются употребляемые в оригинале текста лексемы, не имеющие прямого аналога или же отсутствующие в языке, на который осуществляется перевод. Явление отсутствия в лексической системе языка слова для обозначения того или иного понятия называется лакунизацией. Здесь также необходимо упомянуть существование таких лексических групп, как архаизмы, историзмы и неологизмы и присущие китайскому языку в частности диалектизмы и чэньюи. Употребление в исходном тексте пассивной лексики значительно усложняет и замедляет процесс перевода прозы, поскольку фразеологические и метафорические выражения как правило сохраняют как классическую форму древнего китайского языка, так и состоят из несущих в себе архаическое значение иероглифов, которые в современном языке эволюционировали [11].

Еще одной сложностью для осуществления перевода с китайского языка стала реформа китайской письменности, в результате которой произошло упрощение иероглифических знаков. Упрощение традиционных иероглифов же привело к появлению большого количества омографов и омонимов, что в значительной степени затруднило процесс дифференциации иероглифических знаков между собой, следовательно, повысило количество ошибок при переводе.

Сложность для переводчика прозаических текстов составляет многозначность лексики переводимого языка. Однако помимо того, что слово может иметь несколько различных прямых значений, оно также может употребляться в переносном значении, что зачастую можно наблюдать в китайской языковой системе. А переносное употребление слова преимущественно зависит от культурологических особенностей представителей, говорящих на иностранном языке, что представляет еще одну трудность работы переводчика.

Специфика перевода прозаических текстов с китайского языка также заключается в присущей китайскому языку иероглифической системе письменности. Отличие иероглифической письменности заключается в том, что иероглиф – структурно более сложное явление нежели алфавитный знак, поскольку помимо графического обозначения, фонетической составляющей,

несет в себе семантический компонент, указывающий значение иероглифического знака. К тому же заключающееся в рамках одного иероглифического знака семантическое разнообразие влечет многозначность как отдельной лексемы, так и целого словосочетания вместе, что, безусловно, затрудняет процесс перевода с китайского языка.

Иероглифическая письменность создает трудности для понимания китайского текста не только в лексическом, но и в грамматическом плане, поскольку особенность синтаксического строя китайского языка заключается в отсутствие интервалов между словами: все иероглифы пишутся на одинаковом расстоянии друг от друга. Следовательно, определить грамматические функции каждой морфемы, записываемой одним иероглифом, зачастую затруднительно. Данная особенность китайской иероглифической письменности может привести к ошибкам разграничения простых и сложносоставных слов и дифференциации самостоятельных и служебных частей речи [39].

Для наиболее точного соответствия оригинального текста и перевода необходимо учитывать особенности исторической стадии развития языка, по лингвистическим законам и нормам которой был написан исходный текст, из чего вытекает потребность в стилизации переводящего языка, то есть его уподоблению оригинальному языку иной эпохи.

Таким образом, процесс художественного перевода прозы можно рассматривать одновременно как аналитическую и синтетическую деятельность, задействующую различные сферы лингвистической и литературоведческой наук и требующей от переводчика наличия особых профессиональных навыков в данных сферах и личностных качеств.

2.2 Подходы к определению адекватности и эквивалентности перевода прозы

Результат любого процесса художественного перевода прозы есть получение копии оригинального текста, подчинённого лингвистическим и культурологическим особенностям переводящего языка и его представителей. Степень качества соответствия и воссоздания художественного перевода в другой языковой системе определяется рядом факторов: аутентичностью формы и содержания; отсутствием или наличием смыслового искажения; семантической точностью (неточностью); наличием грамматических, лексических, стилистических, орфографических, пунктуационных ошибок и т. д.

С целью определения степени точности передачи исходной информации на языке перевода представителями советской школы переводоведения были введены следующие взаимосвязанные понятия: «адекватность» и «эквивалентность». Далее рассмотрим наиболее авторитетные подходы к определению данных понятий.

Советский лингвист, переводчик, А. Д. Швейцер полагает, что перевод – есть целенаправленная организованная деятельность, направленная на получение адекватных и эквивалентных оригинальному тексту вариантов перевода [37]. Понятие «эквивалентности» лингвист сопоставляет с тождественностью, то есть с полным соответствием перевода оригиналу, однако А. Д. Швейцер одновременно с тем утверждает, что реальное достижение на практике полноценной тождественности практически не реализуемо [37].

По А. Д. Швейцеру эквивалентность также есть подчинение менее значимых составляющих более значимым. Среди более значимых составляющих понятия «эквивалентности» филолог выделяет прагматический уровень, подразумевающий сохранение основного замысла автора оригинала; коммуникативный эффект, то есть достижение воздействия автора на читателей; установку на адресата, то есть учет культурологических особенностей получателей перевода. Менее же значимыми уровнями в понятии «эквивалентности» А. Д. Швейцер считает семантический, направлен на сохранение отдельных семантических единиц оригинального текста в процессе перевода, и синтаксический уровни, подразумевающий замену единицы исходного текста на другую единицу переводящего языка посредством сохранения оригинальной точности [37]. При этом для достижения максимальной эквивалентности лингвист призывает к пословному или поморфемному переводу с учетом рационального использования переводческих трансформаций или компенсаций исключительно по причине наличия не имеющих языковых или структурных аналогов в переводящем языке исходных фрагментов оригинального текста. Под «адекватностью» А. Д. Швейцер понимает «соответствие перевода как процесса данным коммуникативным условиям» [36]. Адекватность в данном случае сводится к прагматическому критерию, то есть требует от переводчика правильной ориентации в межкультурном пространстве оригинального языка.

Согласно специалисту в области теории перевода, Л. С. Бархударову эквивалентность приравнивается к семантической категории совпадения оригинального текста и текста перевода в содержательном плане [8]. При этом, в отличие от А. Д. Швейцера, Л. С. Бархударов утверждает, что семантическое

соответствие достижимо не на уровне отдельных слов или же морфем, а на уровне целостного текста, однако достижение эквивалентности в данном случае также предполагает использование переводческих трансформаций [8]. При этом всем, Л. С. Бархударов акцентирует внимание на том, что независимо от степени точности соблюдения критериев эквивалентности и адекватности, между оригинальным текстом и текстом перевода будут существовать отличия, однако достижимо и сохранение некоторых неизменных содержательных фрагментов оригинального текста в переводе. Такая тенденция получила наименование «инвариант». «Адекватность» Л. С. Бархударов относит к результативной категории, которая несет в себе конечные преобразования и смысловое содержание подлинника [8].

Советский и российский филолог и представитель школы лингвистической теории переводоведения, В. Н. Комиссаров выделяет три подхода к определению понятия «эквивалентности»: 1) эквивалентность – это тождественность, или полноценность, обозначающая полное соответствие смыслового содержания оригинального текста в тексте перевода; 2) эквивалентность есть попытка сохранения отдельных фрагментов оригинального текста неизменными в переводе, то есть инвариант; 3) эквивалентность, на основе эмпирического подхода, подразумевает сопоставление оригинала и перевода, выявление степени точности и соответствия двух вариантов текста, то есть эквивалентность также приравнивается инварианту [37].

Среди наиболее влиятельных зарубежных исследователей теории перевода необходимо отметить Дж. Кэтфорда, британского лингвиста и ученого, который в своей работе «Лингвистическая теория перевода» определяет категорию эквивалентности в качестве «любой формы языка перевода, которая эквивалентна данной форме исходного языка» [12]. При этом, для Дж. Кэтфорда решающим фактором эквивалентности перевода является семантический критерий соответствия предметной ситуации в текстах оригинала и перевода [12].

Концепция динамической эквивалентности Юдж. Найды, американского теоретика переводоведения, отражает стремление преодолеть сугубо семантический подход к определению понятия «эквивалентности». Под динамической эквивалентностью исследователь подразумевает «качество перевода, при котором смысловое содержание оригинала передается в языке-рецепторе таким образом, что реакция рецептора перевода в основном подобна реакции исходных рецепторов» [40]. Концепция Юдж. Найды противопоставляется концепции формального соответствия, которой придерживается П. А. Вяземский, русский переводчик и критик. П. А. Вяземский

выступает за возможность передачи в переводном тексте лишь тех элементов оригинального текста, которые можно полностью сохранить [40].

Германист и переводчик Л. К. Латышев под эквивалентностью подразумевает конечный результат, к которому стремится переводчик, а в адекватности видит путь, с помощью которого достигается эквивалентность. Л. К. Латышев выделяет следующие виды эквивалентности: 1) инвариантные (те составляющие, пренебрежение в переводе которыми ведет к искажению смысла); 2) инвариантно-вариабельные (опущение таких фрагментов в зависимости от переводящей языковой системы может привести к утрате точности перевода или же нет); 3) вариабельные (элементы, которые в зависимости от языковой системы подвергаются различным изменениям); 4) пустые (опущение таких компонентов не ведет к потере оригинального содержания) [23].

Немецкий лингвист В. Коллер выделяет пять типов эквивалентности: 1) денотативная эквивалентность (равноценность оригинального текста и текста перевода на уровне логического содержания); 2) коннотативная эквивалентность (равноценность отдельных оттенков значений единицы исходного текста в переводе); 3) текстуально-нормативная эквивалентность (соблюдения языковых норм переводящего языка при сохранении структуры оригинального языка); 4) прагматическая эквивалентность (подразумевает одинаковую степень воздействия на адресата исходного текста и текста перевода); 5) формально-эстетическая эквивалентность (передача эстетических, языковых и стилистических особенностей оригинального текста в переводе) [35].

В. Н. Комиссаровым также задана наиболее развернутая модель уровней эквивалентности: 1) уровень цели коммуникации, соответствующий сохранению авторского замысла и воздействия; 2) уровень описания ситуации, подразумевающий отражение одной и той же языковой ситуации в оригинале и переводе; 3) уровень способа описания ситуации, стремящийся к сохранению в переводе общих понятий для детального описания ситуации; 4) уровень структуры высказывания, то есть подчинение одной знаковой системы другой; 5) уровень лексико-семантического соответствия, акцентирующий внимание на слове, которое в процессе перевода зачастую выступает в качестве единицы эквивалентности [18]. Термин «адекватности перевода» В. Н. Комиссарова соизмеряется с понятием «хороший перевод», то есть с переводом, который «обеспечивает необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях» [31]. В. Н. Комиссаров придерживается мнения, что решающим фактором в процессе соотношения двух категорий перевода,

адекватности и эквивалентности, является текст, а точнее его тип, исходя из чего и осуществляется выбор переводческой стратегии.

2.3 Типы стратегий и трансформаций при переводах прозаических произведений

Перевод с одного языка на другой порождает множество переводческих преобразований, которые являются следствием лингвистических и транслингвистических различий языковых систем. В теории перевода данные переводческие преобразования получили наименование «переводческие трансформации». Переводческие трансформации – это внутриязыковые преобразования, заключающиеся в необходимости реорганизации и модификации фонетического, лексического, грамматического и синтаксического строя исходного языка на языке перевода. Переводческие трансформации рассматриваются в качестве переводческих приемов, которые используются при непосредственном отсутствии эквивалентного соответствия между единицами оригинального текста и языковыми единицами переводящего языка, или в случае, если фонетические, лексические, грамматические и синтаксические единицы не могут быть адекватно использованы в рамках данного контекста, или же их перевод затруднен транслингвистическими причинами. По мнению В. Н. Комиссарова, переводческие трансформации – это преобразования, которым подвергается исходный текст при переводе по причине отсутствия эквивалентных или адекватных средств в переводящем языке [19].

В современной лингвистике существует множество подходов к классификации переводческих трансформаций. Далее рассмотрим наиболее авторитетные из них.

Так, Л. С. Бархударов выделяет четыре вида переводческих трансформаций: перестановку, добавление, замену и опущение. Под перестановкой понимается изменение последовательности языковых единиц оригинального текста в переводе. Замена – это преобразование, видоизменение и формоизменение языковых единиц исходного текста при переводе. Среди замен Л. С. Бархударов выделяет грамматические и лексические замены. В качестве грамматических замен выступают преобразования, связанные с изменением частей речи, формы слова, синтаксических функций слов в предложении и т. д. Лексические замены есть изменения значений слов или словосочетаний исходного текста лексическими единицами переводящего языка. Добавление – это появление

дополнительных, отсутствующих в оригинальном тексте единиц в переводе. Опусшению соответствует пропуск языковых единиц при переводе [8].

Советский лингвист и переводчик Я. И. Рецкер, как и Л. С. Бархударов, выделяет грамматические и лексические переводческие трансформации. Под грамматическими трансформациями Я. И. Рецкер подразумевает изменение частей речи, грамматических форм слов, членов предложения и т. д. Среди лексических переводческих преобразований выделяет конкретизацию, генерализацию, антонимический перевод, дифференциацию значений (передача оригинального значения в переводе без его полного уточнения) и компенсацию потерь (передача оригинального значения в переводе с учетом его полного значения) [31].

Германист Л. К. Латышев пишет о существовании шести типов переводческих трансформаций: 1) лексические трансформации, среди которых выделяют синонимические преобразования оригинального контекста в переводе; 2) стилистические трансформации, основная характеристика которых заключается в придании оригинальной единице коннотативной окраски, влияющей на процесс и результат перевода данной единицы; 3) морфологические трансформации, суть которых заключается в изменении грамматической принадлежности к определённой части речи единицы исходного текста в переводе; 4) синтаксические трансформации представляют собой изменения синтаксических структур оригинального текста в переводе, т. е. трансформации слов, словосочетаний, предложений, изменение типа синтаксической связи между частями сложных синтаксических структур и т. д.; 5) семантические трансформации, отвечающие за изменение оттенков значений оригинальной лексической единицы в переводе; 6) смешанные трансформации – подразумевают включение в процесс трансформации исходной единицы текста различные лингвистические уровни, среди смешанного типа переводческих трансформаций выделяют конверсию и антонимическую замену [23].

В. Н. Комиссаров же использует иной подход к разграничению переводческих трансформаций, выделяя лексические, грамматические и лексико-грамматические переводческие трансформации в зависимости от характера преобразований. Наиболее часто применяются в процессе перевода лексические трансформации. К ним относятся транслитерация и транскрибирование, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция). Грамматические трансформации включают в себя синтаксическое уподобление, т. е. дословный перевод, членение предложения, объединение предложения и грамматические замены. Среди лексико-грамматических

трансформаций В. Н. Комиссаров выделяет конверсную трансформацию, антонимический перевод, метафоризацию, деметафоризация, экспликацию, т. е. описательный перевод, импликацию, компенсацию, идиоматизацию и деидиоматизацию [19].

В своем учебном пособии «Китайский язык. Теория и практика перевода» основатель теоретической базы переводоведения китайского языка В. Ф. Щичко в основном следует предложенной В. И. Комиссарову классификации переводческих трансформаций, по причине наиболее точного и полного содержания видов переводческих преобразований для различных уровней китайского языка, т. е. грамматического, лексического, синтаксического, фонетического уровней. Однако акцентирует внимание на периодически возникающей сложности применения данной классификации ввиду особенностей китайского синтаксического строя и структуры языка в целом [39].

Далее в дипломной работе будем придерживаться классификации переводческих трансформации по В. Н. Комиссарову. Рассмотрим подробнее основные способы переводческих трансформаций согласно данной классификации [17]:

1) *Транскрипция и транслитерация* – это способы перевода лексической единицы оригинального текста путем воссоздания ее формы с помощью языковых единиц переводящего языка [18]. Примером транскрипции является перевод «*Macdonald*» на китайский язык: 麦当劳. Посредством транслитерации можно перевести китайское «*玛达姆*» русским «*мадам*».

2) *Калькирование* – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов – их лексическими эквивалентами переводящего языка с сохранением семантического содержания переводимого компонента [18]. Посредством калькирования осуществлен перевод культурной реалии «*丝绸之路*» на русский язык «*Шелковый путь*».

3) *Конкретизация* – способ переводческой трансформации, в результате которого происходит замена слова или словосочетания исходного языка с широким лексическим значением на слово с более специализированным значением. *Генерализация* – это обратный конкретизации процесс, который заключается в замене частного общим, видового понятия родовым [18]. Так, примером конкретизации может служить перевод словосочетания «*柴米油盐*» на русский язык в предложении «*在所需要的柴米油盐都在家里有的*» («*Дома у нас есть все необходимое: спички, рис, масло, соль*»). Словосочетание «*柴米油盐*» на русский язык переводится как «*предметы повседневного быта*», однако

при переводе предложения был использован более конкретный вариант перевода: «*спички, рис, масло, соль*». Генерализация же проявляется в данном предложении «*老婆就让外公明天去买新来放在客厅的凳*» через обобщенное употребление значения иероглифа «*凳*» (досл. «*табурет*»): «*Старуха приказала деду купить завтра новой мебели в гостиную*».

4) *Модуляция* рассматривается как трансформация, которая подразумевает замену оригинальной лексической единицы единицей переводящего языка, значение которой выводится из значения исходной единицы [18], например, в предложении «*他说的话不得人心*» («*Его слова потеряли авторитет*») словосочетание «*不得人心*» (досл. «*не привлекать людей*») переведено на русский язык посредством замены причинного значения на следственное.

5) *Синтаксическое уподобление* – способ перевода, при котором синтаксическая конструкция оригинала преобразуется в аналогичную конструкцию переводящего языка [18]. В качестве примера можно привести перевод конструкции «*当...的时候*» на русский язык в предложении «*当我们会爱的时候, 我们是最幸福的*» («*Когда мы еще могли любить, мы были самыми счастливыми*»).

6) *Членение предложения* – способ трансформации, в результате которого синтаксическая единица исходного языка преобразуется в несколько и более синтаксических единиц на языке перевода, например, сложное предложение «*他是我们公司从事的经理, 叫王嘉尔*» переведено на русский язык двумя односложными предложениями: «*Он работает менеджером в нашей компании. Зовут его Ван Цзяэр*». Объединение предложений подразумевает соединение нескольких синтаксических единиц исходного языка в одну синтаксическую единицу в переводящем языке, например, отрывок «*他是我们公司从事的经理。叫王嘉尔*» переведен на русский язык двусложным приложением: «*Он работает менеджером в нашей компании, и зовут его Ван Цзяэр*».

7) *Грамматические замены* – преобразование грамматической единицы оригинала текста в единицу с другим грамматическим значением на языке перевода [18]. Грамматическим заменам подлежат замены форм слова, частей речи, членов предложения и т. д. Например, в предложении «*他去了旅游*» глагол «*旅游*» переведено на русский язык именем существительным: «*Он поехал в путешествие*». Хотя в оригинальном предложении «*旅游*» есть глагол.

8) Суть *конверсной трансформации* заключается в описании в переводе того же типа отношений между субъектом и объектом оригинального текста

только, с другой стороны [18]. В качестве конверсной замены можно привести следующий пример: «*妈妈和爸爸都特别溺爱小孩子*» («*Родители очень балуют малыша*»). В данном случае конверсной трансформации подвергается два оригинальных словосочетания «*妈妈和爸爸*» и «*小孩子*», которые дословно переводятся как «*мама и папа*» и «*ребенок (не грудного возраста)*» соответственно. Однако в переводе на русский язык происходит изменение оригинального значения данных словосочетаний на «*родители*» и «*малыш*» соответственно. При этом родовые отношения между оригинальными понятиями и полученными в переводе сохраняются.

9) *Антонимический перевод* – замена понятия исходного языка противоположным понятием на языке перевода [18]. Например, предложение «*所有的人都知道这件事*» на русский язык переведено антонимической конструкцией «*Мало кто не знает об этом*».

10) *Метафоризация* – это замена неметафорического выражения метафорическим. Примером метафоризации может служить «*我完全不需要你给我建议*» и его перевод на русский язык «*Сто лет мне твои советы не нужны*». В данном случае в исходном китайском предложении имеется словосочетание «*完全不需要*», которое исконно переводится как «*вообще не нужен*». В переводе же на русский язык посредством добавления «*сто лет*» происходит градация степени значения слова «*не нужен*», таким образом, у словосочетания «*完全不需要*» помимо коннотативного значения, также появляется и переносное, метафорическое. *Деметафоризация* – обратный метафоризации процесс, заключающийся в замещении метафорического выражения неметафорическим. Примером деметафоризации является «*中国经济发展得雨后春笋*», которое переведено на русский язык дословно «*Экономика Китая развивается словно молодой бамбук после дождя*». Так, чэньюй «*雨后春笋*» имеет переносное значение, эквивалентное *быстро, стремительно*. Однако в примере «*中国经济发展得雨后春笋*» чэньюй переведен дословно.

11) *Экспликация*, или *описательный перевод* – это способ передачи безэквивалентной лексики, в результате которого происходит замена лексической единицы исходного текста, не имеющей соответствующего аналога в переводящем языке [18]. Данный способ дает более или менее полное и точное определение переводимого значения на другом языке. Противоположный экспликации процесс называется *импликацией*. В качестве описательного перевода можно привести слово «*寿面*», русский перевод которого «*лапша, которая преподносится в день рождения как символ долголетия*».

12) *Компенсация* применяется в тех случаях, когда элементы текста в языке оригинала не имеют эквивалента в переводящем языке, поэтому не могут быть переданы языковыми средствами переводящего языка [18]. В таком случае переводчик передает одну и ту же информацию другим средством необязательно в том же самом месте подлинника. Например, отрывок «*明天下班后*» из предложения «*明天下班后, 他有某计划, 就是给妻子买一串花, 然后跟小儿子玩电脑游戏*» в переводе расположен в самом конце сложного предложения: «*Купить жене цветы, поиграть с сыном в компьютерные игры – его планы на завтра после рабочего дня*».

13) *Деидиоматизация* заключается в переводе некоего идиоматического компонента оригинального текста прямым значением на переводящем языке. *Идиоматизация*, наоборот, применяется для преобразования слова или словосочетания прямого значения в переносное или идиоматическое. Так, словосочетание «*隔行如隔山*», имеющие значение «*в чужой профессии как в темной горе*», зачастую переводит на русский язык прямым значением «*бору ремесло от ремесла – как гора от горы*». А словосочетание «*寸步难行*» («*трудно сделать даже шаг*») принято переводить переносным значением «*как без рук*», т. е. «*беспомощный*».

Помимо существующих подходов к определению и классификации переводческих трансформаций, в рамках переводоведения разработаны две переводческие стратегии: *доместикация* (одомашнивание) и *форенизация*. *Доместикация* подразумевает процесс максимального преобразования подлинника, в результате которого происходит адаптация лингвистических и транслингвистических особенностей исходного текста под нормы переводящего языка и специфику культурно-мировоззренческого спектра получателей перевода. *Форенизация* – обратная доместикации стратегия, которая зиждется на сохранении аутентичности лингвистических и культурных реалий оригинального текста в переводе [38].

Таким образом, можно резюмировать, что художественный перевод прозы – это не просто техническая обработка текста, это поиск наиболее лексически, грамматически и синтаксически точных соответствий в переводящем языке. Язык при переводе прозы является не просто знаковой системой, основная цель которой заключается в передаче информации, но и культурным кодом, ввиду чего о процессе художественного перевода прозы можно также говорить, как о сложной межкультурной коммуникации, стремящейся также выполнить познавательную, эстетическую и информационно-пропагандистскую функции по отношению к получателям перевода. Однако процесс создания художественного

перевода подразумевает различного рода затруднения и сложности, главная причина которых заключается в отличие языковых систем подлинника и текста перевода. Для решения данной проблемы лингвистами и исследователями советской школы переводоведения были разработаны и предложены различные подходы к изучению переводческих трансформаций и стратегий, и их классификации, что послужило полноценной базой для развития теории перевода художественных текстов на советском и постсоветском пространстве.

Выводы по Второй Главе:

1) Перевод художественной прозы представляет собой особое направление переводческой деятельности, которым является письменный перевод текстов с одного языка на другой посредством сохранения аутентичности и эквивалентности языковых ситуаций исходного текста в полученном переводе.

В процессе перевода художественных прозаических текстов переводчик сталкивается с рядом трудностей: стилизация оригинального текста под требования переводящего языка, использование в оригинальном тексте безэквивалентной лексики; употребление в оригинальном тексте образно-выразительных средств и стилистических фигур; наличие культурного барьера между представителями, говорящими на языке оригинала прозаического произведения, и получателями текста и др. В частности, сложности при переводе художественных текстов с китайского языка возникают по причине отличий китайской иероглифической письменности и алфавитных языковых систем. Влияние на степень эквивалентности и адекватности осуществляемого с китайского языка перевода оказывают следующие факторы: многозначность китайской лексики; наличие определенного числа схожих по написанию иероглифов; сохранение архаичного значения в фразеологических и метафорических выражениях китайского текста; возможность соединения в одном слове нескольких лексических и грамматических значений и характеристик; трудность разделения сплошной цепочки иероглифического текста на отдельных лексемы и грамматические и синтаксические составляющие; трудность определения грамматических функций отдельных слов и словосочетаний китайского текста, а также установление логико-грамматических связей между ними [39].

2) Таким образом, в данной работе под *эквивалентным переводом* мы будем понимать определение В. И. Комиссарова, согласно которому эквивалентный перевод есть перевод, воспроизводящий содержание оригинального текста в переводе при соблюдении норм переводящего языка и учитывающий

культурологические реалии исходного текста для достижения максимального соответствия.

3) Под *адекватным переводом* будем подразумевать перевод, обеспечивающий максимальное соответствие и точность передачи информации оригинального текста в переводе с сохранением норм переводящего языка, соблюдением жанрово-стилистических особенностей типа текста, к которому относится подлинник (по А. Д. Щвейцеру).

4) Анализ в практической части дипломной работы будет проводиться согласно классификации переводческих трансформаций, предложенной В. Н. Комиссаровым, которая предполагает разграничение переводческих преобразований посредством грамматического, лексического, синтаксического и фонетического уровней, что позволит наиболее детально и полно провести сравнительный анализ оригинальных языковых компонентов китайского текста романа Лу Яо «Обыкновенный мир» и их перевода на русский язык.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ ЛУ ЯО «СУДЬБА»

В данной главе будут рассмотрены оригинальный текст повести «Судьба» Лу Яо и перевод повести на русский язык, выполненный В. И. Семановым. Следует отметить, что анализ фрагментов перевода проходил посредством классификации выявленных переводческих трансформаций на лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации.

3.1 Лексические переводческие трансформации в переводе повести «Судьба» Лу Яо на русский язык

Рассмотрим наиболее яркие примеры использования В. И. Семановым лексических трансформаций.

1) «*德顺*老汉刚才提起*加林*, 使他又不由得想到这个被他赶回生产队的本村后生了。加林是*高明楼*眼看着长大的» [49].

«При упоминании о Цзялине секретарь слегка покраснел, но сразу согласился с Дэшунем. Видя, что его предложение принято, старик гордо поднялся и пошел снова мотыжить участок. Гао Минлоу тоже отправился своей дорогой. И размышлял о Цзялине, которого недавно уволил из учителей. Цзялинь вырос на глазах Минлоу.» [26].

«Старик Дэшунь только что вспомнил о Цзялине, он не мог не упомянуть этого деревенского парнишку, которого отвез обратно в производственную бригаду. Цзялинь вырос на глазах Гао Минлоу»¹.

При переводе имен собственных, а точнее имен героев повести «*高明楼*», «*德顺*», «*加林*» Семанов В. И. использует такую лексическую трансформацию, как **транслитерация**, которая заключается в передаче буквенными обозначениями фонетических правил чтения иероглифических знаков. Таким образом, переводчик приводит следующие варианты имен собственных: «*高明楼*» – «Гао Минлоу», «*德顺*» – «Дэшунь», «*加林*» – «Цзялинь». Однако необходимо отметить, что в случае транслитерации иероглифических знаков, теряется нарицательное семантическое значение имен собственных. Так, в имени «*德顺*» иероглиф «*德*» обозначает даосскую категорию добродетельности и высшей духовной нравственности данного персонажа повести. В имени «*加林*» иероглиф «*林*» обозначает «лес» и образно символизирует стремление главного героя

¹ Здесь и далее, если не указан автор перевода, то перевод выполнен автором курсовой работы – Семченко М.

повести к свободе от трудностей деревенской жизни, однако вместе с тем иероглиф «林» также акцентирует внимание на связи крестьянского происхождения Гао Цзялина с природной средой. В имени «高明楼» фамилия «高» обозначает «знатный, находящийся выше других», что в действительности подходит Гао Минлоу, поскольку в деревне он занимает управляющую должность старосты. Однако ввиду колоссальных графических различий русского и китайского языков, одновременно эквивалентно и адекватно передать значение имен собственных нереализуемо. В предложенном В. И. Семановым варианте перевода сохраняется адекватность, таким образом, перевод является точным для воздействия на русскоговорящего читателя.

Следующий фрагмент перевода повести характеризуется использованием **калькирования**:

2) «这时候, **高家村**高玉德当民办教师的独生儿高加林, 正光着上身, 从村前的小河里趟水过来, 几乎是跑着向自己家里走去» [49].

«В этот самый момент Гао Цзялинь, временно работавший деревенским учителем, перешел вброд речку и почти бегом возвращался в свою **деревню Гао**» [26].

«В этот момент в **деревне Гао** единственный ребенок Гао Юйдэ, работающий учителем, Гао Цзялинь, раздетый по пояс, перешел речку и почти бегом возвращается домой».

Посредством метода калькирования Семановым В. И. было переведено наименование населенного пункта «高家村». Так, составная часть «高» преобразована на русский язык посредством фонетической транскрипции иероглифа «Гао», а компонент «家村» переведен лексическим аналогом «деревня». Таким образом, единица исходного текста была переведена посредством замены ее составных частей лексическим эквивалентом, имеющимся в русском языке, с сохранением семантического и фонетического содержания переводимого компонента, вследствие чего перевод данного отрывка повести можно считать адекватным и эквивалентным.

Рассмотрим следующий фрагмент повести и его перевод:

3) «东南方向的县城, 已经罩在一片蓝色的烟气中了。从北边流来的**县河**, 水面不像深秋那般开阔, 平静地在县城下边绕过» [49].

«Город был к юго-востоку отсюда, его тоже окутала голубая дымка, а с севера текла **река Уездная**, покрытая сверкающими вечерними бликами» [26].

«Окружной центр, расположенный на юго-востоке, уже окутан голубой дымкой. **Река уезда**, текущая с севера, воды которой уже не были такими глубокими и широкими, как поздней осенью, спокойно проходила по уезду».

В данном отрывке переводчиком был также использован метод *калькирования*: словосочетание «*县河*» переведено на русский топонимом «*река Уездная*», однако данного географического наименования в действительности не существует. В данном фрагменте, вероятно, подразумевается река, которая протекает через уезд, вследствие чего переводчиком было дано такое наименование. Поэтому в данном случае полученный вариант перевода не является адекватным и эквивалентным, ввиду утраты лексической точности между единицей оригинального текста повести и переводом.

Рассмотрим следующий отрывок:

4) «*今天他收工回来，锄地的人都走了，他还看见她站在对面河畔上——那也是在等他*» [49].

«Сегодня, когда все уже уходили с поля, она стояла на другом берегу реки и глядела на него, но он сделал вид, будто не заметил» [26].

«Сегодня, когда он закончил работу, и все ушли, он увидел, что она стояла на другом берегу реки и как будто ждала его».

В данном случае Семановым В. И. применена такая переводческая трансформация, как *конкретизация*, которая особенно заметна в переводе фрагмента «*锄地的人都走了*» («*все уже уходили с поля*»). Слово «*走*» переводится на русский язык как «*идти, уходить*». Однако переводчиком данное словосочетание было преобразовано с помощью уточняющего значения в соответствие с сюжетом повести, согласно которому действие в данном моменте происходило на поле, где все селяне, в том числе главные герои повести Гао Цзялинь и Цяочжэнь, трудились. Таким образом, был получен вариант «*все уже уходили с поле*». В данном случае, не корректным необходимо отметить изменение при переводе вида глагола. Так, глагол «*走了*» после себе имеет частицу *了*, указывающую на завершенность действия, следовательно, вид глагола является совершенным, и наиболее подходящим эквивалентом для перевода данного фрагмента является «*ушли*». Однако в переводе Семанова В. И. вид глагола изменяется на несовершенный «*уходили*». Таким образом, наблюдается не соответствие между временем совершения действия в оригинальном фрагменте повести и полученном переводе. К тому же еще одной неточностью отметим вероятную путаницу переводчика в местоимениях «*他*» и «*她*». Так, в сложноподчиненном предложении «*他还看见她站在对面河畔上——那也是在等他*» [49] (досл. «*Он увидел, что она стояла на другом берегу реки и как будто ждала его*») два исполнителя действия: «*他 (он)*» и «*她 (она)*». Однако главным исполнителем действия будет «*他 (он)*», поскольку данное местоимение относится к главной части сложноподчиненного предложения; местоимение «*她*

(она)» относится к изъяснительной придаточной части сложноподчинённого предложения, а стоящее в конце предложения местоимение «他 (он)» будет дополнением: «[他还看见](她站在对面河畔上——那也是在等他)». Таким образом, ввиду неточностей при переводе предложенный Семановым В. И. вариант не является эквивалентным и адекватным.

Способ *модуляции* встречается в следующем фрагменте произведения:

6) «你知道人的心就对了» [49].

«Хорошо хоть, что ты понимаешь мое состояние» [26].

«Ты знаешь мое сердце – и уже хорошо».

Так, словосочетание «知道人的心» состоит из глагола «知道» («знать») и притяжательного «人的心» («человеческое сердце»). Дословно словосочетание можно перевести как «знать человеческое сердце». При этом слово «сердце» («心») не обозначает анатомический орган человека, а несет в себе значение *ментального, душевного состояния*, т. е. используется в переносном смысле. Поэтому, чтобы подчеркнуть переносный оттенок значения, переводчик стилистически модулирует словосочетание «知道人的心», в результате чего получился вариант «*понимаешь мое состояние*». К тому же переводчик избавляется от абстрактного значения слова «人» («человек») в переводе. Таким образом, перевод является адекватным и вполне эквивалентным.

Рассмотрим еще один пример использования Семановым В. И. *модуляции*:

7) «巧珍一下惊得不知该怎么办» [49].

«Сначала девушка *обмлела*» [26].

«Цяочжэнь испугалась настолько, что не знала, что делать».

Так, при переводе данного предложения Семанов В. И. трансформирует глагол «下惊» («удивляться, изумляться») и следующее за ним глагольное дополнение степени совершения действия «不知该怎么办» («не знать, как поступить») посредством подбора стилистически правильного для сложившейся в повести сюжетной линии и соответствующего речевым нормам русского языка варианта. Несмотря на отсутствие категории глагольных модификаторов в русском языке, данная категория зачастую переводятся на русский язык конструкцией «*н настолько, что...*». Сохранить оригинальную синтаксическую функцию фрагмента «*下惊得不知该怎么办*» в любом случае не удастся, потому что в случае с вводом конструкции «*н настолько, что...*» в переводе получится сложноподчиненное предложение, и «*得不知该怎么办*» будет выполнять роль придаточной части предложения со следующими синтаксическими функциями: «*н настолько, что не знала, что делать*». В данном же случае переводчиком при

использовании модуляции было получено глагольное сказуемое «обомлела». Таким образом, полученный вариант перевода можно считать адекватным.

Рассмотрим следующий отрывок повести и его перевод на русский язык:

8) «高玉德虽然一辈子窝窝囊囊» [49].

«Гао Юйдэ всю жизнь был человеком **смирным, даже робким...**» [26].

«Гао Юйдэ всю жизнь сдерживал гнев».

В данном отрывке произведения **модуляция** была произведена посредством преобразования удвоенного прилагательного «窝窝囊囊» со значением «сдерживать гнев, дрожать от злости». Несмотря на то, что в русском языковом строе данный перевод выражения вполне реализуется, переводчик ввиду соответствия лексической ситуации применил адекватную замену и тем самым сохранил грамматические свойства и синтаксическую принадлежность слова «窝窝囊囊» в переводе. Однако в переводе Семанова В. И. у слова «窝窝囊囊» появляется коннотативное значение врожденной боязливости, постыдности, робости. В оригинальном отрывке же акцент делается на сдерживании гнева и злости как негативной эмоции посредством собственных усилий. Тем самым, ввиду отличий коннотативных значений оригинальной единицы и ее аналога в переводе, полученный перевод можно считать адекватным, но не эквивалентным.

3.2 Грамматические переводческие трансформации в переводе повести «Судьба» Лу Яо на русский язык

Далее рассмотрим используемые в переводе повести «Судьба» грамматические переводческие трансформации.

Среди многочисленных грамматических трансформаций, встречающихся в переводе повести «Судьба», в первую очередь необходимо отметить использование **членения предложения**. Трансформация членения приводит либо к преобразованию простого предложения китайского оригинала в сложное предложение в русском переводе, либо к преобразованию простого или сложного предложения исходного китайского языка в два и более самостоятельных предложения в русском варианте. Зачастую данная переводческая трансформация имеет место ввиду того, что в китайском тексте в рамках одного предложения сосуществуют разные субъекты действия, однако русский язык стремится к сохранению единого субъекта в предложении.

В качестве примера членения предложения рассмотрим следующий отрывок:

9) «*地上没一丝风尘, 河里的青蛙纷纷跳上岸, 没命地向两岸的庄稼地和公路上蹦窜着*» [49].

«*Ни ветерка, ни пылинки. Лягушки вылезли из реки на берег и бессильно зашлепали к посевам, к дорогам*» [26].

«*На земле не было ни ветерка, ни пылинки; лягушки выпрыгивали из реки на берег и отчаянно скакали к посевам и дорогам, находящимся по обе стороны реки*».

В данном отрывке использование приема **членения предложения** обусловлено большим количеством частей в сложносочиненном предложении и двумя грамматическими основами, усложненными однородными членами, что весьма реализуемо в синтаксисе китайского языка, однако нехарактерно для русскоязычных текстов. Поэтому, вследствие перенасыщенности предложения исходного текста, переводчик разделил его на два предложения меньшего объема: «*Ни ветерка, ни пылинки*» – односоставное неполное безличное (подразумевается «*не было ни ветерка, ни пылинки*») с однородными дополнениями; «*Лягушки вылезли из реки на берег и бессильно зашлепали к посевам, к дорогам*» [26] – двусоставное с однородными сказуемыми. Использование данной трансформации в переводе не искажает оригинальное содержание текста повести, что позволяет считать данный вариант перевода адекватным.

Аналогичная ситуация наблюдается в следующем фрагменте перевода повести:

10) «*他无精打采地转过脸, 蹲在河畔上开始刷牙, 村子里静悄悄的*» [49].

«*Цзялинь отвернулся, присел на каменистом берегу на корточки и начал чистить зубы. В деревне тихо*» [26].

«*Он вяло отвернулся, присев на берег реки и принялся чистить зубы; в деревне было тихо*».

В данном отрывке текста произведено **членение** сложного бессоюзного предложения на простое двусоставное, усложненное однородными сказуемыми, предложение («*Цзялинь отвернулся, присел на каменистом берегу на корточки и начал чистить зубы*» [26]) и простое односоставное безличное («*В деревне тихо*»). Членение предложения в данном случае является особенно уместным, ввиду того, что в оригинальном китайском сложном предложении разворачиваются две совершенно разные контекстуальные ситуации. В русском переводе сохранение оригинальной структуры исходного предложения стало бы смысловым нагромождением, поэтому возникли бы трудности при прочтении данного фрагмента. В данном фрагменте помимо членения предложения также

примечательна **контекстуальная замена** местоимения «他» («Он») в оригинальном тексте на имя собственное «Цзялинь» в переводном варианте во избежание лексической тавтологии, которая реализуема в китайском языке, однако неприемлема в русском языковом строе.

Следующий пример **членения предложения** представляет собой значимость ввиду построения предложения на основе единого субъекта действия, в отличие от предыдущих примеров, где членение предложения происходило на принципах разграничения сложного предложения с несколькими субъектами на простые предложения с одним субъектом действия:

11) «在分路口, 巧珍把提包里的那条烟掏出来, 放在加林的篮子里, 头低下, 小声说» [49].

«На развилке Цяочжэнь вытащила из сумки блок сигарет и положила в корзину Цзялиня. Потом, опустив голову, прошептала...» [26].

«На развилке дорог Цяочжэнь достала из сумочки пачку сигарет и положила их в корзину Цзялиня, опустив голову, прошептала...».

Так, переводчик разрывает единое субъектное пространство, выраженное именем собственным «巧珍» («Цяочжэнь») на два простых предложения, усложненных однородными сказуемыми. В полученном варианте перевода в первом предложении сохраняется оригинальный субъект «Цяочжэнь», во втором предложении субъект действия опущен. Однако данный способ не искажает оригинальный смысл и не влияет на качество перевода. Напротив, членение в данном отрывке повести несмотря на то, что разрывает действия, совершенные одним субъектом, способствует разграничению разных контекстуальных ситуаций: «在分路口, 巧珍把提包里的那条烟掏出来, 放在加林的篮子里» («На развилке Цяочжэнь вытащила из сумки блок сигарет и положила в корзину Цзялиня») и «头低下, 小声说» («Потом, опустив голову, прошептала»). Однако данное преобразование приводит к добавлению новой лексической единицы, отсутствующей в оригинале повести: «потом». Таким образом, предложенный Семановым В. И. вариант перевода можно считать адекватным.

Рассмотрим следующий фрагмент повести и его перевод на русский язык:

12) «他们的心都由不得咚咚地跳» [49].

«Они шли друг за другом – красивые, молодые, и их сердца громко стучали» [26].

«Их сердца бум-бум стучали».

Способу **грамматической замены** подвергаются звукоподражание «咚咚» («бум-бум», «тук-тук» звукоподражание барабану, глухому стуку), которое

переведено на русский язык наречием степени: «Они шли друг за другом – красивые, молодые, и их сердца громко стучали». Рассмотрим подробнее словосочетание «咚咚地跳»: частица «地» указывает на то, что компонент «咚咚地» является обстоятельством образа действия; далее следует смысловая глагол «跳» («биться, стучать» о сердце). В русском языковом строе реализуем такой вариант перевода данного фрагмента, как «[сердца] бум-бум стучали». Кроме того данный вариант перевода сохраняет смысловое значение и грамматическую и синтаксическую функции звукоподражания «咚咚» оригинала текста. Однако переводчиком согласно стилистическим соображениям были использованы следующие преобразования: синтаксическая функция слова в оригинале текста и в переводе, выраженная обстоятельством, сохраняется, а грамматическая функция слова видоизменяется от звукоподражательного слова к наречию степени.

Рассмотрим следующий отрывок произведения:

13) «当他们重新肩并肩走在路上的时候, 月亮已经升起来了» [49].

«Когда они снова пошли рядышком по дороге, уже взошла луна» [26].

«Когда они снова пошли плечом к плечу, уже взошла луна».

В данном фрагменте Семанов В. И. использует прием **дословного перевода**, или **синтаксического уподобления**, посредством которого полностью сохраняются грамматические функции членов предложения как в исходном тексте, так и в русском переводе. К тому же используемая в китайском тексте синтаксическая конструкция «当... 的时候» преобразуется в аналогичную синтаксическую конструкцию в русском переводе «Когда они снова пошли рядышком по дороге...» [26]. Также стоит отметить использование инверсии во второй части предложения при переводе. Так, в исходном тексте («月亮已经升起来了») структура такова: подлежащие, обстоятельство, сказуемое. В переводе же обстоятельство выходит на первый план, а подлежащие и сказуемое меняются местами: «уже взошла луна». Вследствие применения дословного перевода, полностью сохраняется оригинальный смысл данного отрывка и способ построения предложения. Таким образом, вариант, представленный Семановым В. И., можно считать адекватным и эквивалентным.

Для следующего отрывка также характерно использование приема **синтаксического уподобления**.

14) «加林对她点点头, 提起篮子转身就走了» [49].

«Цзялинь тоже кивнул и, забрав корзину, пошел к себе» [26].

«Цзялинь кивнул ей, подняв корзину, развернулся и ушел».

При переводе данного фрагмента переводчик сохраняет оригинальную синтаксическую структуру предложения, однако характерным несоответствием является расстановка знаков препинания в исходном тексте и в переводе, по причине того, что в русском языке обособлять деепричастный оборот обязательно, однако синтаксический строй китайского языка крайне упрощен в сравнении с русским. Таким образом, побочная запятая выделяет деепричастный оборот с двух сторон: «и, забрав корзину, **пошел** к себе» («**提起**篮子转身就走了»). Единственное несоответствие отмечается в виде перевода глагола «走了» (в пер. Семанова В. И. «пошел»). Однако употребляемая после глагола 走 частица 了 указывает на завершенность действия, следовательно, переводить глагол «走了» необходимо совершенными видом: «ушел». Таким образом, данный вариант перевода фрагмента повести «Судьба» можно считать адекватным.

Рассмотрим следующий отрывок повести и его перевод:

15) «**太阳正从大马河西边无垠的大山中间沉落。通往他们村的川道里，已经罩上了暗影；川道里庄稼的绿色似乎显得深了一些**» [49].

«Солнце опускалось за бескрайние горы за рекой, на долину ложились серые тени, зелень в долине стала как будто темнее» [26].

«Солнце опускалось за середину разросшихся к западу от реки Да Ма гор. Речная дорога, ведущая к их деревне, уже была покрыта темными тенями; зеленый цвет посевов на речной дороге казался еще темнее».

В данном примере использовано **объединение предложений**. Так, из простого предложения («**太阳正从大马河西边无垠的大山中间沉落**») и сложного предложения («**通往他们村的川道里，已经罩上了暗影；川道里庄稼的绿色似乎显得深了一些**») получилось сложное бессоюзное предложение. На точность перевода применение данной переводческой трансформации не повлияло. Однако опущение при переводе фоноописательных деталей оказало влияние на качество перевода. Опущению подвергается «**西边**» («западные [горы]»), «**通往他们村的川道里**» («Речная долина, ведущая к их деревне»), «**大马**» («[река] Да Ма»). Таким образом, перевод данного фрагмента можно назвать адекватным, однако не эквивалентным.

3.3 Комплексные лексико-грамматические переводческие трансформации в переводе повести «Судьба» Лу Яо на русский язык

Далее рассмотрим лексико-грамматические переводческие трансформации, применяемые при переводе повести «Судьба» Лу Яо.

Рассмотрим перевод следующего фрагмента:

16) «她，一个不识字的农村姑娘，正和一个多才多艺、强壮标致的“先生”，相跟着去县城喽» [49].

«Цяочжэнь гордилась тем, что она, неграмотная деревенская девка, отправляется в город со **статным, умным и сильным** «господином» ...» [26].

«Она, неграмотная деревенская девушка, едет в уездный город со **статным, разносторонним, умным** «господином» ...».

Данный пример представляет собой значимость ввиду использования переводчиком способа **деметафоризации**. Так, чэньюй «多才多艺» переводится на русский язык, как «**мастер на все руки**», т. е. данное словосочетание имеет переносное значение, которое реализуемо при переводе на русский язык. Однако Семанов В. И. в своем переводе использует прямое значение данного чэньюя, которое соответствует человеку умному, грамотному, умелому и красивому. Таким образом, несмотря на наличие в русском языке соответствующего чэньюю «多才多艺» аналога, переводчик использует прямое, более описательное значение чэньюя. Тем самым, теряется оригинальная образность и метафоризация. Однако исходный смысл китайского фрагмента повести сохраняется, поэтому данный вариант перевода можно считать адекватным.

Рассмотрим следующий отрывок повести:

17) «乡里人谁不讲究个**明媒正娶**?» [49].

«Кто из деревенских не мечтает **женить своих детей по-честному, как полагается?**» [26].

«Кто из селян не гонится за **узаконенным браком?**».

В данном случае примечательным является использование **описательного перевода (экспликации)** при переводе чэньюя «**明媒正娶**» («**законный брак**»). Данный чэньюй также представляет собой китайскую культурную реалию, первое употребление которой фиксируется в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме». Семановым В. И. осуществлена трансформация посредством подбора описательного эквивалента с сохранением лексического значения составных элементов чэньюя. Таким образом, переводчик сначала комбинирует значения иероглифов «**明**» («**светлый, чистый**») и «**正**» («**правильный, верный**»), что в переводе отражается словосочетанием «**по-честному, как полагается**», и затем объединяет воедино значения иероглифов «**媒**» («**сваха, сводня**») и «**娶**» («**жениться, брать в жены**»), которым соответствует «**женить своих детей**» в переводе. Ввиду сохранения лексического соответствия оригинальной единицы и полученного варианта перевод данного предложения можно назвать адекватным.

Рассмотрим следующий отрывок повести и его перевод:

18) «加林把空水桶放到家里，从箱子里翻出那身多时没穿的见人衣裳» [49].

«Принеся домой пустые ведра, Цзялинь достал из сундука свою парадную одежду, которую давно не надевал...» [26].

«Цзялинь отнес пустые ведра в дом и достал из сундука одежду для встреч с людьми, которую еще не надевал».

Данный фрагмент характеризуется использованием **импликации**. Так, в исходном тексте произведения употребляется словосочетание «见人衣裳», которое состоит из компонентов «见人» и «衣裳» со значениями «встречаться с людьми» и «одежда» соответственно. Таким образом, перевести словосочетание «见人衣裳» можно как «одежда для встреч с людьми», т. е. *одежда в свет, одежда на выход*. Однако переводчик же трансформирует описательный перевод «одежда для встреч с людьми» в «парадную одежду». Таким образом, исходное коннотативное значение словосочетания «见人衣裳» сохраняется, однако видоизменяется форма и объем оригинальной единицы в переводе. Тем самым, перевод Семанова В. И. можно резюмировать как адекватный, но не эквивалентный.

Для следующего фрагмента произведения характерно использование нескольких лексико-грамматических переводческих трансформаций:

19) «正人君子探头缩脑地看；粗鲁俗人垂涎欲滴地看» [49].

«Одни от зависти разинули рты и глотали слюни, другие злословили, третьи холодно посмеивались, четвертые **втянули голову в плечи от ужаса**» [26].

«Порядочный человек смотрит на это и боязливо озирается; а неотесанный простак смотрит на это **со слюнями у рта**».

Значимым является употребление в оригинальном тексте чэньюев «探头缩脑» и «垂涎欲滴» со значением «боязливо озираться» и «глотать слюни» соответственно. Чэньюй «探头缩脑» («боязливо озираться») не имеет прямого эквивалента, сохраняющего аналогичное переносное значение, в русском языке. Поэтому в данном случае Семановым В. И. был предпринят метод **деметафоризации** образного выражения чэньюя в прямое значение посредством перевода каждого компонента чэньюя: «探» («вытягивать»), «头» («голова, часть шеи»), «缩» («втянуть»), «脑» («голова, мозг»). Таким образом, получился следующий вариант: «втянули голову в плечи от ужаса». К тому же в данном случае также использована такая переводческая трансформация, как **компенсация**: в оригинальном тексте чэньюй «探头缩脑» употребляется в первой части сложного предложения, в то время как в переводе выбранный для

замены чэньюя вариант используется только в конце второй части сложного предложения. При переводе чэньюя «垂涎欲滴» («глотать слюни») была произведена замена посредством **метафоризации** оригинального выражения словосочетанием с соответствующим переносным значением на русский язык. В результате применения данных переводческих трансформаций исходный смысл текста сохраняется, однако ввиду применения компенсации и деметафоризации перевод утрачивает оригинальную точность, следовательно, перевод является адекватным, но не эквивалентным.

Рассмотрим следующий фрагмент произведения:

20) «他已经日薄西山, 但儿子正活在旺处, 将来娶个媳妇, 生儿育女, 他就是闭了眼睡在黄土里, 也平了心» [49].

«Сам он – всего лишь **вечернее солнце, заходящее за горы**, а сын в самом расцвете сил. Если он женится, заведет детей, то отцу можно и глаза спокойно закрыть, лечь в желтую землю» [26].

«Его дни сочтены, но жизнь его сына в самом расцвете, и, если сын женится на невестке и у него появятся дети, отец сможет уснуть в желтой земле спокойно».

В данном примере Семанов В. И. использовал прием **деметафоризации** чэньюя «日薄西山» с образным значением «доживать последние дни, дышать на ладан». Так, образное значение чэньюя было заменено прямым значением «вечернее солнце, заходящее за горы», которое сформировалось посредством перевода составных иероглифов чэньюя: «日» («солнце»), «薄» («слабый», т. к. закатное солнце светит слабее всего, следовательно, Семановым В. И. выбран аналог «закатное»), «西» («запад», т. к. солнце заходит на западе, следовательно, Семановым В. И. выбран аналог «заходящее»), «山» («гора»). Полученное прямое значения чэньюя «日薄西山» коннотативно соответствует переносному значению оригинальной единицы. Следовательно, данный перевод можно считать адекватным ввиду сохранения лексической и семантической точности значений исходной единицы текста выбранному при переводе варианту.

21) «“你下午要是有空, 上我们广播站来坐坐嘛! 你毕业后, 进县城从不来找我们拉拉话。你还是那个样子, 脾气真犟!”» [49].

«– Цзялинь, если сегодня после обеда у тебя будет время, заходи к нам на радиостанцию, поболтаем! С тех пор, как мы закончили школу, ты **ни разу** даже не заглянул к нам. Я вижу, ты все такой же гордый!» [26].

«– Если у тебя сегодня после обеда есть свободное время, приходи к нам на радиостанцию! После выпуска ты никогда не приходил к нам уездный центр. Ты все такой же упрямый!».

В данном отрывке произведения примечательным является использование Семановым В. И. приема **синонимической замены**. Так, в оригинале текста употребляется конструкция «...从不...» («...никогда не...»). На русский язык конструкция переведена синонимической структурой с отрицанием «ни разу...не...»: «ты **ни разу даже не** заглянул к нам». Использование данной трансформации при переводе не искажает содержание предложения и не нарушает нормы русского языка, поэтому предложенный Семановым В. И. перевод можно считать адекватным и эквивалентным.

Рассмотрим еще один случай использования **синонимического перевода**:

22) «他从小娇生惯养, 没受过苦, 嫩皮敕肉的, 往后漫长的艰苦劳动怎能熬下去呀! » [49].

«Первым делом у них болела душа за своего единственного сына, которого они с детства холили, оберегали от всякого горя – он просто не выдержит каждодневного изнурительного труда!» [26].

«Его с самого детства баловали, он никогда не знал страданий, он еще так молод, **как же он сможет выдержать тот долгий и тяжелый труд, который ему предстоит**».

В данном примере значимым является употребление глагольного компонента «下去», указывающего на продолжительность действия от настоящего к будущему и усиление признака смыслового глагола «熬» («терпеть, переносить»). В русском языке подобная грамматическая категория глаголов отсутствует, что затрудняет процесс и результат перевода данного фрагмента. Характерными в русском языке признаками для глагола являются вид, наклонение, переходность, возвратность, время, число, род, лицо. Однако не один из этих признаков не соответствует китайской категории глагольного компонента. На практике «下去» принято переводить с помощью модального глагола «мочь», который наиболее эквивалентно описывает оригинальное значение компонента «下去». Таким образом, получился следующий вариант перевода фрагмента «往后漫长的艰苦劳动怎能熬下去呀! »: «**как же он сможет выдержать тот долгий и тяжелый труд, который ему предстоит**». Предоставленный Семановым В. И. вариант перевода полностью сохраняет оригинальное значение глагольного модификатора, тем самым перевод можно считать адекватным и эквивалентным.

Рассмотрим следующий фрагмент повести и его перевод:

23) «她还用她那爱得过分的感情, 跌跌撞撞走过来, 把儿子放在炕上的衫子披在他汗水直淌的光身子的上, **嗔怒地说**: “二杆子! 操心凉了!”» [49].

«Мать поспешно убрала со стола грубые кукурузные пампушки и, подойдя к плите, принялась готовить сыну яичницу да лепешки из белой муки; затем вернулась к кану, подобрала брошенную сыном рубашку и накинула ему на плечи с ласковым ворчанием: – Вот негодник, простудишься!» [26].

«Она с наполнившей ее чрезмерной любовью, спотыкаясь, подошла к сыну и накинула на его потное голое тело висевшую на кане рубашку, и сердито сказала: – Грубиян! Замерзнешь же!».

Данный случай примечателен ввиду использования **антонимического перевода**. Так, в оригинальном фрагменте повести присутствует словосочетание «*嗔怒地说*», значение которого «*гневно сказать*». В переводе данного фрагмента на русский язык исчезает негативная коннотация прилагательного «*嗔怒*», которое переводится как «*гневный, сердитый, свирепый*». Таким образом, оригинальное «*嗔怒*» несет в себе явную отрицательную окраску, в отличие от перевода Семанова В. И., в котором «*嗔怒地说*» переведено как «*ласковое ворчание*». Несоответствие заключается в расхождении коннотаций в исходном тексте (негативная коннотация) и переводе, где наблюдается положительная коннотация ввиду использования в тексте переводе прилагательного «*ласковый*». Общий смысл контекстуальной ситуации в повести, которая заключается в раздражении, сохраняется, но оттенок этого раздражения в переводе меняется на противоположный. Тем самым, полученный перевод можно считать адекватным, но менее эквивалентным.

Выводы по Третьей Главе:

1) При проведении анализа перевода повести Лу Яо «Судьба» на русский язык, выполненного В. И. Семановым, можно выделить то, что переводчиком для достижения эквивалентности и адекватности были использованы лексические (транслитерация, калькирование, конкретизация, модуляция), грамматические (синтаксическое уподобление, членение предложения, объединение предложений, грамматическая замена) и лексико-грамматических (деметафоризация, экспликация, импликация, синонимический и антонимический перевод) трансформаций.

2) Наиболее часто используемой трансформацией является модуляция. Например, «... 下惊得不知该怎么办» (досл. «испугалась так, что не знала, что делать») преобразовано на русский язык посредством модулирования значения исходных языковых значений в аналог «... обомлела». Использование модуляции при переводе повести «Судьба» на русский язык обусловлено в основном лингвистическими причинами: различиями языковых норм оригинального языка

и переводящего языка, стилистическими особенностями контекстуальных ситуаций и индивидуальным стилем Лу Яо.

3) В. И. Семанов зачастую обращается к использованию переводческих трансформаций в тех случаях, когда прямой перевод невозможен или его осуществление затруднено. Однако при этом также стоит отметить некоторые неточности перевода (например, перевод глаголов с частицей 了 из совершенного вида в несовершенный: «走了» в пер. «уходили»; смещение субъекта и объекта действия в случае с «他» и «她»). На степень точности перевода также влияет стремление переводчика адаптировать перевод под сюжетные реалии повести «Судьба», например, контекстуальная замена местоимения «她» на имя собственное «Цяочжэнь».

На основе проанализированных трансформаций можно резюмировать, что В. И. Семанов зачастую использует стратегию доместикации, что приводит к более адаптивному варианту восприятия оригинального текста для русскоязычного культурного пространства, но в тоже время не в полной мере передает авторский замысел.

ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РОМАНА ЛУ ЯО «ОБЫКНОВЕННЫЙ МИР»

В данной главе будут рассмотрены оригинальный текст романа «Обыкновенный мир» Лу Яо и перевод романа на русский язык, выполненный Ю. А. Дрейзис. Следует отметить, что анализ фрагментов для перевода проходил посредством сплошной выборки. Ввиду большого количества переводческих приемов совмещенного типа, к которому склоняется Ю. А. Дрейзис, анализ предоставленных фрагментов романа осуществляется не в количественном формате, а на основании комбинированной выборки, т. е. по мере появления в тексте перевода романа разнящихся с оригинальным текстом романа фрагментов с использованием различных переводческих трансформаций.

В первую очередь обратим внимание на следующий фрагмент романа «Обыкновенный мир»:

1) «1975年二、三月间, 一个平平常常的日子, 细蒙蒙的雨丝夹着一星半点的雪花, 正纷纷淋淋地向大地飘洒着» [50].

«В один ничем не примечательный день – где-то между февралем и мартом семьдесят пятого – тонюсенькие нити мороси, перемежаясь редкими снежинками, сырой канителью скользили вниз и ложились на землю» [25].

«В 1975 году, в самый обычный февральский или мартовский день, тонюсенькие нити морозящего дождя с примесью снежинок непрерывно скользили и оседали на землю»².

Значимым является использование Ю. А. Дрейзис такой переводческой трансформации, как **антонимический перевод**. Так, в оригинальном тексте присутствует словосочетание «平平常常的日子» (досл. «обычный-преобычный день»), в котором прилагательное («平常») подвергается удвоению («平平常常»), что указывает на усилительную коннотацию в оригинальном тексте романа. Использование антонимической конструкции «ничем не...» в русском переводе можно аргументировать стремлением переводчицы сохранить исходное усилительное значение прилагательного «平常», ввиду не характерности для русского языка аналогичной с китайским языком схемы удвоения лексических единиц.

Далее рассмотрим следующий фрагмент оригинального текста романа и его перевод на русский язык:

2) «时令已快到惊蛰, 雪当然再不会存留, 往往还没等落地, 就已经消失得无踪无影了» [50].

² Здесь и далее, если не указан автор перевода, то перевод выполнен автором курсовой работы – Семченко М.

«Время шло к пробуждению насекомых, снегу оставалось недолго. Не успев коснуться поверхности, он исчезал бесследно» [25].

«Приближалось время пробуждения насекомых; снег не сможет надолго сохраниться: прежде чем упасть на землю, он бесследно исчезает».

Исходя из перевода данного фрагмента романа можно утверждать об применении сразу нескольких переводческих трансформаций. Во-первых, изменению подвергается оригинальная структура предложения: посредством **членения** сложное союзное предложение китайского подлинника (союзы 还 и 就) преобразуется в два сложных бессоюзных предложения в русском переводе отрывка. Во-вторых, характерным является использование **синонимического перевода** словосочетания «再不会存留». Так, наречие времени (再不), модальный глагол (会) и смысловой глагол (存留) переведены на русский язык с сохранением отрицательной коннотации («оставалось недолго»), однако с опущением модального глагола 会. Тем не менее, данное опущение можно объяснить наличием в русском языке, в отличие от китайского языкового строя, конкретных и постоянных форм выражения времени или его продолжительности. Так в русском переводе данного отрывка глагол «оставалось» содержит характерный для прошедшего времени суффикс, однако ввиду несовершенного вида глагола, действие не является законченным. В китайском же языке возможно наличие модальных глаголов или частиц, указывающих время совершения действия, или же отсутствие каких-либо прямых или косвенных указателей той или иной формы глагола. Различия русской и китайской языковых систем обусловили использование данной переводческой стратегии. В-третьих, **модуляции** подвергается перевод словосочетания «消失得无踪无影了». Так, фразеологизм «无踪无影» дословно переводится как «ни следа, ни тени» и зачастую используется в этом прямом значении. Однако при переводе на русский язык словосочетания «消失得无踪无影了» с сохранением полного семантического соответствия фразеологизма «无踪无影» не удастся воссоздать оригинальную грамматическую форму и размер исходной единицы, так как произойдет добавление отсутствующих в оригинальном тексте романа компонентов: «исчезли, не оставив не следа, ни тени». Поэтому Ю. А. Дрезис была произведена модуляция оригинального значения фразеологизма «无踪无影» с целью сохранения эквивалентности перевода. Тем не менее, использованные в данном фрагменте переводческие трансформации не искажают смысл оригинального фрагмента романа, следовательно, перевод данного отрывка можно считать адекватным и эквивалентным.

Далее рассмотрим яркий пример использования такой переводческой трансформации, как **генерализация**:

3) «午饭铃声刚刚响过, 从一排排高低错落的石窑洞里, 就跑出来了一群一伙的男男女女» [50].

«Едва отзвенел звонок на обед, как из пещер, усеивавших склон на разной высоте, выпорхнул разномастный рой школьников» [25].

«Сразу как прозвучал звонок на обед, из расположенных на разной высоте каменных пещер выбежали группы мальчишек и девчонок».

Употребленное в оригинальном тексте «男男女女» имеет значение «мужчины и женщины», однако при переводе на русский язык учитывался в первую очередь контекст, в котором происходит данная художественная ситуация, вследствие чего, переводчицей была произведена замена «школьники». Примечательным также является удвоение словосочетания «男男女女», которое в данном случае несет в себе значение множественности. На русский язык данное значение множественности было переведено не только грамматической категорией множественного числа существительного «школьник», но и введением в перевод слова «рой». Перевод данного отрывка ввиду использования ряда преобразований можно характеризовать адекватным.

Использованию обратного генерализации явлению, **конкретизации**, подвергается перевод следующего фрагмента:

4) «他突然想到, 还有几件女孩子最重要的用品要买» [50].

«Внезапно ему пришло в голову, что нужно купить сестре несколько комплектов нижнего белья и прокладок – важных для городской девушки вещей» [25].

«Внезапно ему пришло в голову: есть еще несколько самых важных вещей, которые необходимо купить девушке».

В данном отрывке интерес представляет перевод словосочетания «用品要买», которое дословно переводится как «нужно купить **товары повседневного обихода**», следовательно, в оригинальном тексте романа нет точного акцента на конкретные товары повседневного обихода, товары повседневного обихода имеют обобщенное значение. Однако в переводе Ю. А. Дрейзис по средствам контекста данной ситуации романа прибегает к использованию конкретизации значения слова «用品», в результате чего происходит уточнение: «несколько комплектов нижнего белья и прокладок». Ввиду того, что в оригинальном тексте романа «Обыкновенный мир» отсутствует детальная информация касательно товаров повседневного обихода, предложенный Ю. А. Дрейзис перевод можно

считать адекватным, однако полную эквивалентность оригинальному содержанию романа перевод данного фрагмента теряет.

Проанализируем следующий фрагмент романа «Обыкновенный мир» и перевод романа на русский язык:

5) «他们把碗筷敲得震天价响, 踏泥带水、叫叫嚷嚷地跑过院坝, 向南面总务处那一排窑洞的墙根下蜂涌而去» [50].

«От стука их мисок и палочек подрагивал воздух. Галдя и какая по дороге жирной грязью, они устремились на площадку перед школой и облепили ее южную сторону у стен хозчасти» [25].

«От громко стука их мисок и палочек подрагивал воздух, они вбежали во двор, наступая на лужи грязи и громко галдя, и целой толпой устремились в южную часть двора, где у стены находился хозяйственный отдел».

Ввиду смысловой и содержательной перегруженности, обусловленной наличием в оригинальном китайском предложении двух несвязанных грамматических основ, переводчица использует **членение** исходного предложения на два двусоставных предложения. Данная переводческая трансформация позволяет адаптировать перевод под синтаксические и грамматические нормы русского языка, который в большинстве своем стремится к упрощению синтаксических единиц для более точного воздействия на получателя информации. Помимо членения, также немаловажным является применение **грамматической замены** и **описательного перевода (экспликация)**. Так, словосочетание «叫叫嚷嚷地跑过», в котором посредством грамматической замены переведено на русский язык слово «叫叫嚷嚷地». Слово «叫叫嚷嚷» имеет значение «громко шуметь, галдеть». В оригинальном тексте ввиду наличия грамматического указателя на принадлежность к определенной части речи **地**, можно утверждать, что словосочетание «叫叫嚷嚷地» является наречием образа действия. Однако поскольку данное словосочетание на русский язык переводится глаголом или глагольным словосочетанием, сохранить принадлежность оригинала и перевода к одной части речи, вероятно, невозможно. Переводчицей была предпринята попытка по сохранению синтаксической функции данного словосочетания в переводе. Таким образом, словосочетание «叫叫嚷嚷地», которое в оригинальном тексте выражено наречием и выполняет функцию обстоятельства, в русском переводе сохраняет лишь синтаксическую функцию, а грамматическая функция видоизменяется от наречия образа действия к деепричастию. Необходимо также отметить, что перевод словосочетания «踏泥带水» выполнен посредством описательного перевода. Так, Ю. А. Дрейзис сохраняет значение каждого иероглифа данного словосочетания в переводе: «踏

» – «топать, наступать», «泥» – «грязь, глина», «带» – «приносить вместе, вместе с», «水» – «вода, жидкий». В результате чего, получен следующий вариант перевода: «капая по дороге жирной грязью». Однако не соответствие перевода заключается в замене перевода иероглифа «水» («жидкий») на «жирный». Также стоит отметить нарушение синтаксической структуры, которая заключается в компенсации отдельных фрагментов в несоответствующих оригинальному тексту романа местах: «踏泥带水、叫叫嚷嚷地跑过院坝» [50]. – «Галдя и капая по дороге жирной грязью, они устремились на площадку...» [25] Компоненты «踏泥带水» и «叫叫嚷嚷» в переводе меняются местами, синтаксические преобразования в данном фрагменте романа не влияют на степень эквивалентности и адекватности полученного перевода, в отличие от трансформаций, затронувших грамматический уровень. В результате перевод данного фрагмента романа можно характеризовать как адекватный, но не эквивалентный.

Модуляции подвергается оригинальное словосочетание следующего фрагмента романа:

6) «与此同时, 那些家在本城的走读生们, 也正三三两两涌出东面学校的大门» [50].

«Одновременно из восточных ворот школы стали вылетать **стайки** местных ребяташек» [25].

«В это же время из восточных ворот школы группками по двое по трое выбежали ученики, проживающие у себя дома, в городе, а не в общежитие».

Так, выражение «三三两两» переводится как «по двое, по трое», однако при переводе оригинальное значение деления на определенное число человек в рамках одной группы пропадает, русский эквивалент имеет более обобщенное значение без конкретизации определенными деталями. Тем не менее, несмотря на утрату оригинальной точности и соответствия, полученный перевод можно резюмировать как адекватный и вполне эквивалентный, ввиду того, что сохранение числительных указателей или же их опущение в русском переводе не повлияло бы на качество перевода, так как в данном случае читателю проще воспринимать собирательный образ нежели конкретный, вследствие чего, возможно достижение нужного влияния русского перевода романа на получателя.

Рассмотрим следующий фрагмент романа и его перевод:

7) «从排队的这一片黑鸦鸦的人群看来, 他们大部分都来自农村, 脸上和身上或多或少都留有体力劳动的痕迹» [50].

«Было видно, что большинство стоявших в **бесконечной** очереди, – деревенские. Их тела и лица хранили следы упорного физического труда» [25].

«Из бесчисленной толпы стоявших в очереди людей было видно, что большинство из тех людей были выходцами из сельской местности: на их лицах и телах в той или иной степени сохранились следы ручного труда».

В данном отрывке, помимо **членения** оригинального сложного бессоюзного предложения на сложноподчинительное и простое двусоставное предложения, также переводчицей использована **модуляция**. Так, словосочетание «*黑鸦鸦的人群*» состоит из прилагательного «*黑鸦鸦*» и собирательного существительного «*人群*», связанных посредством притяжательной связи частицы *的*. Прилагательное переводится на русский язык, как «*тьма-тьмуца*», Ю. А. Дрейзис же произведена замена, заключающаяся в подборе более стилистически подходящего для данной речевой ситуации аналога, «*бесконечный*». Данный фрагмент романа также характеризуется использованием **опущения**, так, в первой части предложения «*从排队的这一片黑鸦鸦的人群看来, 他们大部分都来自农村*» при переводе опущено слово «*人*», однако данное преобразование можно считать обоснованным ввиду дальнейшего повторения данного слова в иной форме «*他们*» в сложном предложении и сохранение данной языковой единицы во второй части предложения: «*их [они]*». Поскольку предложенный переводчицей вариант перевода прилагательного гармонирует с переводом слова «*人群*» («*толпа, очередь*»), а опущению подвергается слово, значение которого также реализуется во второй части сложного предложения, следовательно, перевод данного фрагмента романа можно считать адекватным и эквивалентным.

Следует отметить стремление Ю. А. Дрейзис сохранить синтаксическую структуру оригинальных китайских предложений в переводе романа Обыкновенный мир на русский язык с максимальным соответствием полученных в переводе синтаксических структур нормам русского языка. При этом не происходит обеднение языковых средств переводящего языка, наоборот, наблюдается положительная тенденция по обогащению русского перевода более типичными для китайского языка лингвистическими и синтаксическими компонентами, однако данные компоненты не конфликтуют с привычными для русского языка нормами, они гармонично сочетаются друг с другом. Зачастую в попытках сохранить эквивалентность синтаксических структур китайских текстов в переводе на русский язык переводчики прибегают к использованию инверсий, что также можно обозначить в переводе Ю. А. Дрейзис. Например, рассмотрим следующее предложение:

8) «*就在这时候, 在空旷的院坝的北头, 走过来一个瘦高个的青年人*» [50].

«В этот миг на северной стороне опустевшей площадки показался высокий худой юноша» [25].

«Именно в этот момент по северную сторону от опустевшей площадки показался худой и невысокий юноша».

Следствием использования **синтаксического уподобления** стало применение инверсии грамматической основы, которая менее типична для русского языка, тем не менее, является возможной и не создающей преграды к пониманию получателями текста сообщения. Так, из примера видно соответствие оригинального порядка слов порядку слов, полученному в переводе на русский язык. При этом сохраняются синтаксические функции всех переведенных компонентов китайского и русского текстов. Однако также необходимо отметить применение **опущения** в русском переводе данного предложения романа. Так, многофункциональная частица 就, дающая в китайском тексте более точный акцент на промежуток времени совершения действия, выполняющая функцию усиления, в переводе на русский язык опущена, хотя данное значение частицы вполне реализуемо средствами русского языка, как уточняющая частица «а именно». Тем не менее, поскольку частица 就 несет в себе только усилительное значение и не влияет на грамматический строй предложения в целом, можно утверждать, что опущение частицы не влечет за собой неэквивалентности или неточности перевода.

Опущению также подвергаются глагольные формы побуждения к действию оригинального текста романа. Рассмотрим следующий отрывок:

9) «**瞧吧**, 他那身衣服尽管式样裁剪得勉强还算是学生装, 但分明是自家织出的那种老土粗布, 而且**黑颜料染**得很不均匀, 给人一种肮脏脏脏的感觉» [50].

«Его костюм с натяжкой можно было назвать школьной формой: скроен он был явно из грубого домотканого полотна, к тому же прокрашен неровно, отчего казался грязным» [25].

1. «**Гляди-ка**, костюм его с натяжкой можно назвать школьной формой, так как **шит** он явно из более грубого, старомодного, домашнего полотна, да и к тому же **черная краска** легла неровно, из-за чего всем казалось, что костюм **измазан**»; 2. «**Глядя** на его костюм, едва ли его можно было назвать школьной формой, так как **шит** он явно из более грубого, старомодного, домашнего полотна, да и к тому же **черная краска** легла неровно, из-за чего всем казалось, что костюм **измазан**».

Так, сочетание смыслового глагола «**瞧**» («смотреть, глядеть») и побудительной частицы 吧 при переводе данного фрагмента романа опущено. В

случае сохранения данного компонента оригинального китайского текста, русский вариант перевода мог бы выглядеть следующим образом: 1) «**Гляди-ка**, костюм его с натяжкой можно назвать школьной формой, так как сшит он явно из более грубого, старомодного, домашнего полотна, да и к тому же **черная краска** легла неровно, из-за чего всем казалось, что костюм измазан»; 2) «**Глядя** на его костюм, едва ли его можно было назвать школьной формой, так как сшит он явно из более грубого, старомодного, домашнего полотна, да и к тому же **черная краска** легла неровно, из-за чего всем казалось, что костюм измазан». В первом варианте перевода удалось сохранить повелительное значение глагольной формы «**瞧瞧**» и синтаксическую функцию, однако ввиду того, что оригинальный фрагмент романа не является частью диалога, а есть компонент повествовательного фрагмента романа с элементами рассуждения, полученный перевод можно характеризовать, как эквивалентный, однако утративший адекватность. Во втором варианте перевода ситуация обратная: эквивалентность перевода, ввиду утраты в переводе повелительного значения частицы **瞧瞧**, пропадает, однако поскольку полученный вариант перевода соответствует оригинальной речевой ситуации, предложенный перевод является адекватным. **Опущению** в данном фрагменте романа также подвергается цветовая окраска костюма. Так, в оригинале имеется словосочетание «**黑颜料染**» (досл. «**покрашенный в черный**»), однако в полученном Ю. А. Дрейзис переводе отсутствует указание точного цвета, вследствие чего, ситуация приобретает более обобщенный характер, без уточнения отдельных деталей.

10) «象他这样十七、八岁的后生, 正是能吃能喝的年龄。可是他每顿饭只能啃两个高粱面馍» [50].

«Такому **парню**, как он, ничего не стоило бы уминать за завтраком, обедом иужином по здоровой кастрюле, а приходилось выживать на паре гаоляновых булок» [25].

«Будучи таким 17-18-летним юношей, он мог бы съесть и выпивать огромное количество вкусностей, однако все, что он мог себе позволить на обед, – это гаоляновая булочка, приготовленная на пару».

В данном фрагменте романа, в отличие от ранее использованной переводческой трансформации членения предложений, Ю. А. Дрейзис использовано **объединение** предложений. Также произведена **модуляция** оригинального выражения «**十七、八岁的后生**» (досл. «**поколение 17-18-летних**») на «**парень**». Исходя из контекста, центральной фигурой в данной речевой ситуации является Сунь Шаопин, который на момент свершения действия в романе был юношей. Использование данной переводческой

трансформации можно объяснить стремлением переводчицы адаптировать оригинальный текст романа под культурные и мировоззренческие реалии русскоговорящего населения. Так, для китайского менталитета значимым и главенствующим является статус человека, который образуется посредством двух категорий: рабочего положения и старшинства. Таким образом, употребление в оригинальном китайском тексте конкретного возраста главного персонажа романа является логичным и целесообразным. Однако в русскоговорящем культурном пространстве не наблюдается такой сильной связи старшинства и возрастных привилегий, как для представителей китайской нации, вследствие чего, сохранение в переводе возрастных рамок является менее целесообразным, и могло бы привести к утяжелению перевода романа «Обыкновенный мир», что сказалось бы на прочтении получателями перевода романа. Однако вариант, сохраняющий в себе перевод фрагмента «十七、八岁的后生», также допустим.

Рассмотрим следующий фрагмент романа и его перевод:

11) «孙少平在内心不断祈祷幸运之神也能降临到妹妹的头上...» [50].

«Шаопин в душе не переставал молиться богу удачи в надежде, что тот осчастливит и его сестру...» [25].

«Сунь Шаопин в душе нескончаемо молился богу удачи, чтобы тот снизошел на голову младшей сестры...».

В данном случае переводчицей была произведена **модуляция** неподходящего под культурные и мировоззренческие реалии русскоговорящего населения выражения «幸运之神...降临到妹妹的头上» [50]. Так, «幸运之神...降临到妹妹的头上» [50] на русский язык дословно переводится как «бог удачи спустился на голову младшей сестры». Важным в китайском оригинале является акцент на место, «на голову». В русском языке устойчивые выражения с похожим значением имеется, однако в данных выражениях не делается акцент на «голову» (например, *счастье свалилось с неба, снизошла удача* и др.), поскольку в русском языке выражения типа «свалиться на голову» зачастую имеют негативную коннотативную окраску. А так как речевая ситуация в данном фрагменте романа определенно подразумевает благоприятную и положительную обстановку, сохранение в переводе на русский компонента «头上», вероятно, могло привести к изменению оригинальной речевой ситуации китайского текста романа. Поэтому сохранение всех деталей в переводе на русский язык могло бы затруднить передачу текстовой информации незнакомому с тонкостями другой культуры читателю. Следовательно, вариант, предложенный Ю. А. Дрейзис, можно считать адекватным.

12) *«他身上仍然有一百多元。他自己买东西用掉的是夏令营赚的工资；过去的工钱给家里寄过所剩下的，一分钱也没动»* [50].

«Себе он купил все необходимое на выплаты за летний лагерь. Из заработанного на стройке он не потратил ни фэня – кроме тех денег, что отправил домой. У него оставалось чуть больше ста юаней...» [25].

«При себе у него еще было более сто юаней. Вся сумма, которую он потратил на покупки себе, равнялась полученной в лагере зарплате; ни копейки из того, что у него оставалось от прошлых заработков, он не отправил домой».

В данном фрагменте очевидным является использование **компенсации**. Так, простое двусоставное предложение *«他身上仍然有一百多元»* [50] в китайском оригинале стоит в самом начале выделенного фрагмента и предшествует следующим за ним действиям касательно траты оставшихся ста юаней. Однако в русском переводе получается наоборот: сначала повествуется о растратах, а затем идет констатация материального положения героя: *«У него оставалось чуть больше ста юаней»* [25]. Таким образом, ситуации исходного текста и перевода полностью отличаются: в китайском тексте сто юаней было изначально, до трат, а в русском переводе сто юаней осталось после растрат. Вследствие чего, можно говорить о полученном переводе как об адекватном, но не эквивалентном.

Рассмотрим следующий фрагмент романа «Обыкновенный мир»:

13) *«第二天，晓霞听少平说他妹妹考进赫赫有名的北方工业大学后，大吃了一惊。她简直难以相信一个农村姑娘能考进这样的大学，而且学的还是天体物理»* [50].

«На следующий день, когда он рассказал Сяося, что Ланьсян поступила в знаменитый Северо-Китайский политех, та просто опешила. Она никак не могла поверить, что простая деревенская девчушка сумела поступить в такой вуз – особенно на отделение астрофизики» [25].

«На другой день, Сяося, услышав о том, что Ланьсян поступила в известный Северо-Китайский политехнический колледж, крайне удивилась. Она просто не могла поверить, что какая-то деревенская простушка смогла поступить в такой колледж, так еще и на астрофизику».

В данном примере примечательным является использование сразу двух переводческих трансформаций. Во-первых, **модуляции** подвергается словосочетание *«第二天»*, которое, по причине наличия показателя порядкового числительного *第*, дословно переводится как *«второй день»*. Ввиду своих стилистических размышлений, переводчица выбирает наиболее приемлемый для русского языка вариант *«на следующий день»*. Во-вторых, необходимо отметить использование **антонимичной конструкции** в переводе отрывка *«她简直难以相*

信» [50] (по Ю. А. Дрейзис «Она никак не могла поверить...» [25]). Дословно «她简直难以相信» [50] можно перевести как «Ей было трудно поверить...». Безусловно, данный отрывок, ввиду наличия слова «难以», подразумевает негативную окраску, однако в оригинальном тексте отсутствуют прямые отрицательные формы в отличие от русского перевода. Несмотря на использование переводческих трансформаций, полученный перевод можно резюмировать как адекватный и соответствующий оригинальному смыслу фрагмента романа.

Рассмотрим еще один пример использования **синонимического перевода**:

14) «那他们也就别想安宁地过日子了!» [50].

«Тогда их жизнь превратилась бы в суший ад» [25].

«Тогда они уже и думать не смогут о спокойном времяпровождении!».

Так, в данном отрывке романа словосочетание «别想安宁地过日子» в своем составе имеет отрицательную частицу 别, которая указывает на нежелательность действия. Дословно словосочетание «别想安宁地过日子» можно перевести на русский язык как «не думать о спокойном времяпровождении». Ю. А. Дрейзис же посредством применения переводческой трансформации производит видоизменение исходных компонентов текста романа. Однако, несмотря на отсутствие в переводе данного отрывка отрицательной частицы или прямых показателей отрицательной формы («...жизнь превратилась бы в суший ад»), преобразование происходит с сохранением оригинального негативного значения компонентов исходного китайского текста. Предложенный переводчицей вариант имеет синонимическое значение в отношении оригинального компонента, следовательно, перевод данного фрагмента романа можно считать адекватным и соответствующим.

Рассмотрим следующий фрагмент оригинального текста романа «Обыкновенный мир» и перевод данного фрагмента на русский язык:

15) «润生的姐姐叫他有什么事呢? 而且还叫他到她二爸家去!» [50].

«Зачем он понадобился сестре Жуньшэна? И потом – зачем было звать его домой» [25].

«Зачем сестра Жуаньшэна позвала его? Тем более, зачем звать его в дом дяди?».

В данном отрывке примечательным является использование обратной описательному переводу переводческой трансформации, **импликации**. Так, исходное словосочетание «二爸家», которое Ю. А. Дрейзис переведено как «домой», имеет более описательное оригинальное значение. Словосочетание «二爸家» состоит из таких лексических компонентов, как «二» («два»), «爸»

(«отец»), «家» («дом»). Однако компоненты «二爸» принято рассматривать вместе, поскольку в комплексе перевод данных компонентов будет иметь значение «дядя» (досл. «второй отец», т. е. брат отца). Таким образом, дословный перевод оригинального выражения «二爸家» соответствует «дом дяди», например, «Зачем сестра Жуаньшэна позвала его? Тем более, зачем звать его в дом дяди?». В случае стремления сохранить более коннотативное значение родственности и близости можно использовать вариант перевода «дом второго отца». Однако в переводе, предложенном Ю. А. Дрейзис, словосочетание теряет синтаксическую функцию словосочетания и становится более меньшей синтаксической единицей, словом. Помимо утраты синтаксической функции оригинальной языковой структуры, также необходимо отметить отсутствие коннотативного значения близости сестры Жуаньшэна с дядей. Вследствие чего, перевод можно рассматривать как адекватный, но не эквивалентный.

Следующий фрагмент романа примечателен ввиду применения **синтаксического уподобления и компенсации**.

16) «他知道, 父母亲在惊喜过后, 就会为他的安全担心» [50].

«Шаопин знал, что, когда пройдет первое изумление, родители начнут беспокоиться о его безопасности» [25]».

«Он знал, после удивления родителей, начнется беспокойство за него».

Так, слово «父母亲» оригинального текста в переводе соответствует варианту «родители», однако отличия оригинального текста романа и перевода романа на русский язык проявляются в данном случае в перестановке перевода слова «父母亲» уже не в составе конструкции «...过后», а после данной конструкции: «...когда пройдет первое изумление, родители начнут беспокоиться о его безопасности». Необходимо также обозначить синтаксическое уподобление при переводе конструкции «...过后» на русский язык. Так, оригинальный фрагмент «父母亲在惊喜过后» переведен на русский язык посредством синтаксического соответствия исходного компонента «过后», которое переводится как «после, когда пройдет, по истечению». В переводе Ю. А. Дрейзис полностью сохраняется оригинальное значение конструкции «...过后», однако ввиду использования компенсации слова «父母亲», перевод теряет оригинальную точность и полную эквивалентность. Перевод фрагмент романа «父母亲» оригинального текста «他知道, 父母亲在惊喜过后, 就会为他的安全担心» [50] реализуем в рамках следующего варианта: «Он знал, после удивления родителей, начнется беспокойство за него».

Перевод имен собственных китайского текста романа на русский язык происходит путем соблюдения принципов **транскрипции**, т. е. передачи в

переводе оригинального звучания китайского имени посредством буквенного обозначения. Рассмотрим пример использования транскрипции:

17) «*少平一下子呆住了。当反应过来的时候，他自己又伸开双臂，把金波紧紧地抱住了！*» [50].

«*Шаопин был ошеломлен. Придя в себя, он заключил Цзинь Бо в объятия в ответ*» [25].

«*Шаопин на мгновение замер. Придя в себя, он снова протянул руки и крепко обнял Цзинь Бо*».

Так, в переводе данного фрагмента романа содержится сразу два примера использования транскрипции имен собственных «*少平*» («Шаопин») и «*金波*» («Цзинь Бо»). При этом, в данном случае имя «*少平*» («Шаопин») состоит только из двух иероглифов, фамилия опущена как в оригинальном тексте романа, так и в переводе. Однако имя собственное «*金波*» («Цзинь Бо») уже состоит из фамилии и имени, выраженного одним иероглифом. Вследствие чего, данные два примера отличаются друг от друга оригинальной структурой, которая и повлияла на соблюдение при переводе определенных правил транскрипции: иероглиф, являющийся фамилией, пишется отдельно от имени, которое может быть выражено как одним, так и двумя иероглифами.

Рассмотрим следующий отрывок:

18) «*街头的行人稠密起来。人们纷纷走出户外，尽情享受阳光和暖风的抚爱*» [50].

«*На улицах стало ощутимо больше людей – они выходили из дома насладиться лаской яркого солнца и теплого ветра*» [25].

«*Улицы заполнились пешеходами. Люди друг за другом выходили на улицу, чтобы насладиться ярким солнцем и теплым ветерком*».

Данный фрагмент перевода романа также является результатом использования такой переводческой трансформации, как **объединение предложений**. Так, простое предложение китайского исходного текста «*街头的行人稠密起来*» объединено с простым усложненным однородными сказуемыми предложением «*人们纷纷走出户外，尽情享受阳光和暖风的抚爱*» [50]. Объединение данных предложений в русском переводе происходит по причине наличия в двух предложениях общего субъекта действия, «люди» (в китайском тексте «*行人*», досл. «пешеходы», и «*人们*», досл. «люди»). Применение данной переводческой трансформации не искажает оригинальный текст романа «Обыкновенный мир», более того, ввиду наличия общего субъекта действия в приведенных выше предложениях, объединение предложений более соответствует синтаксическому строю русского языка, поэтому полученный Ю.

А. Дрейзис перевода данного фрагмента романа можно считать адекватным и вполне эквивалентным.

Рассмотрим пример использования **грамматической замены** при переводе романа «Обыкновенный мир» на русский язык:

19) «现在, 夏令营的工作早已结束, 他不会再去找活干, 因此一天很闲» [50].

«Летний лагерь закрылся, все готовились к школе. Шаопин больше не был занят поиском работы и проводил дни в совершенной праздности» [25].

«Сейчас, когда время работы в летнем лагере уже подошло к концу, он больше не искал работу, днями был свободен».

Так, примечательным является перевод выражения «一天很闲». Дословно «一天很闲» можно перевести как «целый день незанят». В данном примере акцентировать следует слово «闲» («свободный, незанятой»), которое является именем прилагательным, что также подчеркивается употреблением в оригинальном тексте романа наречием степени «很» («очень»). Однако в переводе происходит изменение грамматической функции слова «闲»: прилагательное «незанят» трансформируется в глагольное словосочетание «проводить [дни] в совершенной праздности». В данном случае перевод, сохраняющий оригинальную грамматическую форму прилагательного «闲», реализуем: «Сейчас, когда время работы в летнем лагере уже подошло к концу, он больше не искал работу, днями был свободен». В данном отрывке, помимо **грамматической замены**, переводчица также прибегает к **синонимическому переводу** словосочетания «不会再去找活干». Так, выражение «不会再去找活干» переводится на русский язык Ю. А. Дрейзис как «...больше не был занят поиском работы», в результате чего переводчице удалось сохранить оригинальное значение конструкции с наречием времени «不会再», которая имеет значение «больше не...». Таким образом, использование данных переводческих трансформаций не искажает оригинальное содержание романа, однако ввиду применения грамматической замены компонента оригинального китайского текста, данный перевод можно считать адекватными, но не эквивалентным.

Рассмотрим следующий фрагмент романа и его перевод:

20) «孙少平的伤已经完全好了。雷汉义区长代表矿上来为他办出院手续。他准备过几天就返回大牙湾。这期间, 妹妹兰香和她的男朋友仍然一直给他做工作, 让他调到省城来» [50].

«Раны Шаопина уже затянулись. Начальник рудника, старик Лэй, приехал в столицу провинции, чтобы выписать его из больницы. Он собирался вернуться

в Речной Зубец уже через несколько дней. **Пока Шаопин лежал в госпитале, Ланьсян со своим Чжунпином делали все возможное, чтобы перевести его на работу в провинцию»** [25].

«Травма Сунь Шаопина полностью зажила. Начальник района Лэй Хань, представляя всю шахту, приехал, чтобы оформить процедуру выписки. Через несколько дней он был уже готов вернуться в залив Дайя. Тем временем сестра Шаопина Ланьсянь и ее молодой человек, который до этого постоянно снабжал Шаопина работой, занимались его переводом в административный центр провинции».

Данный пример характеризуется использованием **конверсной замены**. Так, перевод словосочетания «*这期间*» дословно обозначает «*в это время*». Однако при переводе данного фрагмента на русский язык оригинальное выражение «*这期间*» подвергся изменению, которые обусловлены контекстуальной ситуацией действий с романе «Обыкновенный мир»: главенствующим фактором предложенного Ю. А. Дрейзис варианта перевода выражения «*这期间*» является факт того, что на данном этапе повествования Шаопинь находился в больнице, что читатель узнает из предыдущего фрагмента: «*孙少平的伤已经完全好了。雷汉义区长代表矿上来为他办出院手续*» [50] («*Раны Шаопина уже затянулись. Начальник рудника, старик Лэй, приехал в столицу провинции, чтобы выписать его из больницы*» [25]). Следовательно, только исходя из контекстуальной ситуации романа возможен такой перевод словосочетания «*这期间*», как «*пока Шаопин лежал в больнице*». Так как, перевод полностью отвечает повествовательной ситуации и содержанию романа, полученный вариант можно резюмировать адекватным и соответствующим.

Рассмотрим еще один пример использования **конверсной замены**:

21) «*他们应该意识到，他和他们的处境不尽相同。不同生活处境的人应该寻找各自的归宿*» [50].

«Они должны были понимать, что находятся с ним в совершенно разных жизненных обстоятельствах. Каждый должен найти свое собственное предназначение» [25].

«Им следует понять, что он и они находятся в совершенно разном положении. Люди, находящиеся в разных жизненных ситуациях, должны найти свое собственное место в жизни».

Так, оригинальное выражение «*不同生活处境的人*» (досл. «*люди из разных жизненных обстоятельств*») переведено Ю. А. Дрейзис как «*каждый*». Причины применения данной конверсной замены также заключаются в контекстуальной ситуации действий романа: в предыдущем предложении уже

зафиксировано опущенное переводчицей словосочетание «不同生活处境的人»: «他们应该意识到, 他和他们的处境不尽相同» [46] («Они должны были понимать, что находятся с ним в совершенно разных жизненных обстоятельствах» [25]). Следовательно, ввиду уже использования аналогичного описательного определения («他和他们的处境不尽相同»), теряется необходимость в дублировании при переводе. К тому же в русском языке повтор зачастую может быть рассмотрен как речевая ошибка, что также объясняет предложенный переводчицей аналог «каждый» для выражения «不同生活处境的人». Поэтому, несмотря на соответствие нормам русского языка, полученный перевод не следует рассматривать как полностью эквивалентный, однако необходимо отметить точность и адекватность перевода.

Далее рассмотрим следующий фрагмент романа и перевод данного фрагмента:

22) «不管是表彰, 还是处分, 都是些球!» [50].

«Кнут ли, пряник, – все фигня на постном масле» [25].

«Будь то похвала, будь то наказание – все чушь!».

Данный отрывок примечателен по причине использования в процессе перевода таких переводческих трансформаций, как *метафоризации* и *идиоматизации*. Так, слова «表彰» и «处分» обозначают «хвалить» и «наказывать» соответственно. При переводе слов «表彰» и «处分» на русский язык Ю. А. Дрейзис производит замену прямого оригинального значения («хвалить» и «наказывать») данных слов на переносное значение посредством названия знаменитого метода психологического воздействия, который уже приобрело в русском языке нарицательное значение: «кнут» («处分») и «пряник» («表彰»). Так как суть метода «кнути и пряника» заключается в системе поощрений и наказаний, предложенный Ю. А. Дрейзис можно считать вполне адекватным, однако на степень эквивалентности перевода влияет позиция слов «表彰» и «处分» в китайском оригинальном тексте и в русском переводе. Как уже отмечалось, в исходном тексте последовательность такова: «表彰» («пряник») и «处分» («кнут»). Однако в переводе на русский язык положение данных слов выглядит следующим образом: «кнут» («处分») и «пряник» («表彰»). Таким образом, положение слов «表彰» и «处分» взаимозаменяется в китайском тексте романа и в русском переводе.

Касательно применения *идиоматизации* в данном фрагменте романа следует отметить следующее: идиоматизации подвергается оригинальное выражение «都是些球», не несущее в себе переносного значения. Слово «球» дословно переводится как «шар, мяч», однако среди китайских интернет-

пользователей популярным также является такой перевод слова «球», как «чушь, фигня». Таким образом, перевод фрагмента «*都是些球*» приобретает более жаргонное значение «*все фигня на постном масле*». В случае использования идиоматизации оригинальное содержание романа не изменяется, к тому же данное преобразование способствует более точному воздействию на читателя, следовательно, перевод данного фрагмента романа можно считать адекватным.

Выводы по Четвертой Главе:

1) При проведении анализа перевода романа Лу Яо «Обыкновенный мир», выполненного Ю. А. Дрейзис, можно выделить то, что переводчицей для достижения эквивалентности и адекватности перевода были использованы лексические (транскрипция, генерализация, конкретизация, модуляция), грамматические (грамматическая замена, объединение и членение предложений, синтаксической уподобление) и лексико-грамматические трансформации (конверсный перевод, импликация, антонимический и синонимический перевод, метафоризация, идиоматизация).

2) Наиболее часто используемыми трансформациями являются модуляция (например, «*十七、八岁的后生*» (досл. «*поколение 17-18-летних*») в переводе Ю. А. Дрейзис трансформация происходит посредством варианта «*парни*») и членение предложения (например, *从排队的这一片黑鸦鸦的人群看来, 他们大部分都来自农村, 脸上和身上或多或少都留有体力劳动的痕迹*» [50] – «*Было видно, что большинство стоявших в бесконечной очереди, – деревенские. Их тела и лица хранили следы упорного физического труда*» [25]).

Использование модуляции при переводе романа «Обыкновенный мир» Лу Яо на русский язык обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: различиями языковых норм исходного языка и переводящего языка, стилистическими особенностями речевых ситуаций развития сюжета в романе, индивидуальным стилем Лу Яо и культурным барьером представителей, говорящих на языке оригинала романа, и получателей перевода романа на русский язык.

Использование членения предложения при переводе романа «Обыкновенный мир» Лу Яо на русский язык обусловлено лингвистическими факторами, которые заключаются в различиях синтаксических и грамматических нормах языка оригинала романа и языка перевода. Так, для русского языка в отличие от китайского языка характерна краткость и лаконичность синтаксических единиц, особенно в случаях наличия в предложении разных субъектов действия. Синтаксический строй китайского языка, наоборот, стремится к нагромождению и максимальному охвату информации в рамках

одного предложения. При этом в китайском оригинальном тексте романа зачастую используется знак препинания «;», применение которого не приравнивается к дальнейшему введению в предложение придаточной информации, наоборот, данный знак препинания обозначает смысловую завершенность передаваемой информации и дальнейшее введение новой речевой ситуации.

3) Ю. А. Дрейзис часто обращается к использованию переводческих трансформаций в тех случаях, когда полностью эквивалентный перевод невозможен или его осуществление затруднено ввиду различий русского и китайского языковых строев. На степень использования тех или иных переводческих трансформаций также влияет стремление переводчицы адаптировать полученный перевод под сюжетные реалии романа «Обыкновенный мир». Такой подход обусловлен стилистическими соображениями переводчицы. Таким образом, на основе проанализированных трансформаций можно резюмировать, что Ю. А. Дрейзис зачастую использует стратегию доместикации, что приводит к более адаптивному варианту восприятия оригинального текста для русскоязычного культурного пространства, но в тоже время не в полной мере передает авторский замысел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе дипломной работы была охарактеризована творческая индивидуальность Лу Яо в контексте китайской литературы второй половины XX в., выявлены факторы, оказавшие влияние на формирование личности писателя, установлены особенности и виды переводческих трансформаций и стратегий при переводе художественного прозаического текста, исследованы категории «эквивалентности» и «адекватности» перевода художественного прозаического текста, а также проведен анализ особенностей переводов повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» Лу Яо на русский язык, выполненных переводчиками В. И. Семановым и Ю. А. Дрейзис соответственно.

1. Творчество Лу Яо развивалось в русле «деревенской прозы» («乡土小说») и «литературы поиска корней» («寻根文学»), сохраняющих реалистичный бытописательный характер. Основным мотивом повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» Лу Яо является уклад жизни и проблемы простых китайских деревенских рабочих и крестьян, поиски себя и попытки самореализации и самопознания. Повесть «Судьба» и роман «Обыкновенный мир» стали лауреатами литературной премии имени Мао Дуня и являются яркими воплощениями стиля писателя [51]. Вышеизложенное подчеркивает значимость данных произведений как проводников и трансляторов китайской национальной этнической культуры посредством описания сельского образа жизни.

2. Перевод художественного прозаического текста необходимо рассматривать как особое направление переводческой деятельности, которое представляет собой письменный перевод текстов с одного языка на другой посредством сохранения аутентичности и эквивалентности языковых ситуаций исходного текста в полученном переводе. В процессе перевода художественных прозаических текстов переводчик сталкивается с рядом трудностей: стилизация оригинального текста под требования переводящего языка, использование в оригинальном тексте безэквивалентной лексики; употребление в оригинальном тексте образно-выразительных средств и стилистических фигур; наличие культурного барьера между представителями, говорящими на языке оригинала произведения, и получателями текста и др. В частности, сложности при переводе художественных текстов с китайского языка возникают по причине отличий китайской иероглифической письменности и алфавитных языковых систем. Влияние на степень эквивалентности и адекватности осуществляемого с китайского языка перевода оказывают следующие факторы: многозначность

китайской лексики; наличие определенного числа схожих по написанию иероглифов; сохранение архаичного значения в фразеологических и метафорических выражениях китайского текста; возможность соединения в одном слове нескольких лексических и грамматических значений и характеристик; трудность разделения сплошной цепочки иероглифического текста на отдельных лексемы и грамматические и синтаксические составляющие; трудность определения грамматических функций отдельных слов и словосочетаний китайского текста, а также установление логико-грамматических связей между ними.

С целью разрешения представленных выше трудностей применяются различного рода переводческие трансформации, основная функция которых заключается в возможности реализации отличных или нехарактерных для переводящего языкового строя единиц оригинального текста в языковую систему переводящего языка. В настоящей работе в качестве теоретической базы была использована классификация переводческих трансформаций, разработанная В. Н. Комиссаровым, по причине наиболее полного и детального отражения и использования всевозможных лингвистических уровней, присущих как русскому, так и китайскому языкам [18]. Под адекватным переводом мы понимаем перевод, воспроизводящий содержание оригинального текста в переводе при соблюдении норм переводящего языка и учитывающий культурологические реалии исходного текста для достижения максимального соответствия (по В. Н. Комиссарову). Под эквивалентным переводом понимаем перевод, обеспечивающий максимальное соответствие и точность передачи информации оригинального текста в переводе с сохранением норм переводящего языка, соблюдением жанрово-стилистических особенностей типа текста, к которому относится подлинник (по А. Д. Щвейцеру). Стратегия доместикации предполагает получение переводного текста, в максимальной степени адаптированного под лингвистические и культурные реалии переводящего языка и получателей перевода исходного текста, в то время как форенизация зиждется на максимальном сохранении лингвистической и культурной аутентичности исходного текста в переводе.

3. При сопоставительном анализе китайского текста и русского перевода повести Лу Яо «Судьба», выполненного переводчиком В. И. Семановым, и романа Лу Яо «Обыкновенный мир», выполненного переводчицей Ю. А. Дрейзис, были обнаружены отличия, которые проявляются в использовании тех или иных переводческих трансформаций.

Касательно перевода повести Лу Яо «Судьба», выполненного В. И. Семановым, можно выделить следующее: наиболее частотными переводческими трансформациями, применяемыми В. И. Семановым, являются *модуляция*, *членение предложения*, *деметафоризация* (см. Приложение А, пункт 1). Наиболее ярким примером использования модуляции стал фрагмент «巧珍一下惊得不知该怎么办» [49], в котором глагольное дополнение степени «下惊得不知该怎么办» [49] было преобразовано в смысловой глагол при переводе: «Сначала девушка обомлела» [26]. Применение членения предложения при переводе повести «Судьба» обусловлено различиями грамматического и синтаксического строев исходного китайского и переводящего русского языков. В русском переводе сложно структурированные синтаксические единицы оригинальных текстов расчленены на простые предложения, усложненные однородными членами предложения и иными компонентами. Примером использования В. И. Семановым деметафоризации является фрагмент «他已经日薄西山» [49], в котором чэньюй переведен на русский язык посредством сохранения прямого значения: «Сам он – всего лишь **вечернее солнце, заходящее за горы**» [26]. Наименее частотной переводческой трансформацией, применяемой при переводе повести «Судьба» на русский язык, стало использование *импликации* (см. Приложение А, пункт 2). Так словосочетание «见人衣裳» имеет значение «*одежда для встреч с людьми*», т. е. *одежда в свет, одежда на выход*. Однако переводчик же трансформирует описательный перевод «*одежда для встреч с людьми*» в «*парадную одежду*».

Использование В. И. Семановым различных переводческих трансформаций при переводе повести Лу Яо «Судьба» на русский язык является следствием стратегии доместикации. Однако переводчику удалось сохранить оригинальный стиль письма Лу Яо, форму и содержание повести «Судьба» в переводе на русский язык, поэтому предложенный В. И. Семановым перевод повести «Судьба» можно резюмировать как адекватный, но утративший оригинальную степень эквивалентности.

Касательно перевода романа Лу Яо «Обыкновенный мир», выполненного переводчицей Ю. А. Дрейзис можно констатировать следующее: наиболее часто встречающимися переводческими трансформациями, использованными при переводе романа, стали *модуляция* и *членение предложения* (см. Приложение Б, пункт 1). Так, в переводе романа «Обыкновенный мир» прилагательное «黑鸦鸦» (фрагмент «黑鸦鸦的人群»), переводящееся на русский язык как «*тьма-тьмущая*», Ю. А. Дрейзис было заменено на «*бесконечный*». Использование модуляции при переводе романа на

русский язык обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: различиями языковых норм исходного языка и переводящего языка, стилистическими особенностями речевых ситуаций развития сюжета в романе, индивидуальным стилем Лу Яо и культурным барьером представителей, говорящих на языке оригинала романа, и получателей перевода романа на русский язык. В качестве примера использования членения предложения отметим фрагмент «*他们把碗筷敲得震天价响，踏泥带水、叫叫嚷嚷地跑过院坝，向南面总务处那一排窑洞的墙根下蜂涌而去*» [50] и его перевод, выполненный Ю. А. Дрейзис: «*От стука их мисок и палочек подрагивал воздух. Галдя и какая по дороге жирной грязью, они устремились на площадку перед школой и облепили ее южную сторону у стен хозчасти*» [25]. Причины употребления членения предложения при переводе романа «Обыкновенный мир» аналогичны с переводческой ситуацией в русском варианте повести «Судьба», выполненного В. И. Семановым. Среди наименее частотно используемых Ю. А. Дрейзис переводческих трансформаций необходимо выделить *генерализацию* и *конкретизацию* (см. Приложение Б, пункт 2). Примером употребления генерализации служит фрагмент «*男男女女*», который дословно переводится как «*мужчины и женщины*», однако переводчица использует более обобщённый вариант «*школьники*», напрямую зависящий от контекстуальной ситуации романа. Касательно конкретизации отметим перевод слова «*用品*», значение которого есть «*товары повседневного обихода*», Ю. А. Дрейзис же уточняет, какие конкретно товары повседневного обихода необходимо купить главному герою романа для своей сестры: «*несколько комплектов нижнего белья и прокладок*».

Использование Ю. А. Дрейзис различных переводческих трансформаций и приемов опущения при переводе на русский язык романа Лу Яо «Обыкновенный» мир свидетельствует о стремлении переводчицы адаптировать исходный текст романа под лингвистические особенности русского переводящего языка и культурно-мировоззренческие реалии получателей перевода романа. Таким образом, переводчица следует стратегии доместикации. В ходе использования данной стратегии оригинальная форма и содержания романа «Обыкновенный мир» подверглись изменениям. Тем не менее, Ю. А. Дрейзис удалось сохранить авторский стиль повествования Лу Яо. Таким образом, несмотря на значительные преобразования, которым подвергся оригинальный текст романа «Обыкновенный мир», полученный Ю. А. Дрейзис перевод романа можно считать адекватным, однако менее эквивалентным.

Обобщив результаты анализа перевода повести Лу Яо «Судьба», выполненного В. И. Семановым, и результаты анализа перевода романа Лу Яо «Обыкновенный мир», выполненного Ю. А. Дрейзис, необходимо резюмировать: В. И. Семанов в отличие от Ю. А. Дрейзис, несмотря на некоторые несоответствия и неточности в переводе, в большей мере сумел приблизиться к оригиналу повести «Судьба» в переводе, в то время как Ю. А. Дрейзис в значительной степени подвергла исходный текст романа «Обыкновенный мир» переводческим трансформациям, которые отразились на степени передачи формы и содержания исходного романа в переводе на русский язык.

Таким образом, в ходе перевода повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» Лу Яо на русский язык, выполненных В. И. Семановым и Ю. А. Дрейзис соответственно, по причине лингвистических и экстралингвистических отличий оригинального китайского языка и переводящего русского языка, в первую очередь обусловленных принадлежностью данных языков к различным типологическим группам, а также ввиду стилистических соображений переводчиков, исходные тексты повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» подвергались использованию различных переводческих трансформаций и преобразований. При этом стилистические факторы, оказывавшие влияние на процесс перевода повести и романа, следует классифицировать двумя категориями: 1) вынужденно использованные для соответствия переводу оригиналу текста, эти функциональные характеристики зачастую связаны с употреблением языковых средств не имеющих прямых аналогов в языке перевода; 2) использованные соображениями переводчиков, которые не несут в себе необходимость, а их основная функция заключается в экспрессии и эстетической составляющей.

Используемые В. И. Семановым и Ю. А. Дрейзис переводческие преобразования исходных текстов повести и романа соответственно не противоречат оригинальному замыслу произведений Лу Яо, по причине соответствия друг другу изобразительных элементов перевода и оригинала текста в функциональном и структурном плане. Однако использование переводческих преобразований, не несущих в себе непосредственную необходимость, оказывает влияние на степень сохранения оригинальных содержания и формы повести и романа, в результате чего перевод теряет подлинную точность и соответствие.

Тем не менее, исходя из анализа перевода на русский язык повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» Лу Яо, выполненных переводчиками В. И. Семановым и Ю. А. Дрейзис соответственно и принимая во внимание

превалирующее стремление переводчиков к сохранению формы и содержания оригинальных произведений в переводе, можно резюмировать, что представленные варианты перевода повести «Судьба» и романа «Обыкновенный мир» являются адекватными, однако ввиду определенных переводческих трансформаций и стилистических преобразований переводы становятся менее эквивалентны подлинным текстам повести и романа.

Таким образом, художественный перевод, несмотря на колоссальные и многолетние достижения в данной сфере, действительно является актуальной на сегодняшний день отраслью переводоведения, качество результатов которого непосредственно зависит от степени профессионализма переводчика в передаче как авторского стиля письма, так и оригинальной формы, и содержания исходного текста художественного произведения при переводе на другой язык.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / И. С. Алексеева – 6-е изд. – М. : Издательский центр «Академия», 2012. – 368 с.
2. Алексеев, М. П. Проблема художественного перевода / М. П. Алексеев. – Иркутск : Издание Иркутского университета, 1931. – 52 с.
3. Алексеев, М. П. Эквивалентность и адекватность перевода / М. П. Алексеев // Все для переводчиков и филологов [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://wt-blog.net/perevodchiku/shvejcer-jekvivalentnost-adekvatnost-perevoda.html?ysclid=ln5q9qe0z0934736277>. – Дата доступа: 02.10.2023.
4. Алимов, В. В. Художественный перевод : учеб. пособие / В. В. Алимов, Ю. В. Артемьева. – М. : Издательский центр «Академия», 2010. – 256 с.
5. Алимова, М. В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста / М. В. Алимова // Вестник РУДН. – 2012. – №2. – С. 47-52.
6. Базылев, В. Н. Эквивалентность перевода / В. Н. Базылев, Е. О. Опарина // Вестник МГУ. – 2010. – №14. – С. 220-223.
7. Бархударов, Л. С. Классификация лексических трансформаций / Л. С. Бархударов // Русский язык. Школьный курс [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://b1.cooksy.ru/articles/klassifikatsiya-leksicheskikh-transformatsiy-po-barhudarovu-l-s/?ysclid=lde99oygh7353033422>. – Дата доступа: 02.04.2024.
8. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
9. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, – 224 с.
10. Герасимова, Н. И. Эквивалентность и адекватность перевода / Н. И. Герасимова // StudFiles [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/2915646/page:11/>. – Дата доступа: 02.12.2023.
11. Глазачева, Н. Л. Модель лакунизации в современном переводоведении / Н. Л. Глазачева // Вестник МГУ. – 2006. – №15. – С. 244-246.
12. Дж. Кэтфорд. Концепция переводческой эквивалентности / Дж. Кэтфорд // StudFiles [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/9927689/page:14/>. – Дата доступа: 02.10.2023.

13. Егорова, Т. А. Проблема определения адекватности и эквивалентности перевода / Т. А. Егорова // Вестник науки и образования. – 2018. – №32. – С. 24-27.
14. Журавель, Т. В. Соотношение понятий эквивалентности и адекватности в переводе / Т. В. Журавель // Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://bit.ly/3Rf6GtN>. – Дата доступа: 02.12.2023.
15. Казакова, Т. А. Художественный перевод : учеб. пособие / Т. А. Казакова. – СПб : ИВЭСЭП, Знание, 2002. – 112 с.
16. Ковалева, Т. В. Художественный перевод и личность переводчика / Т. В. Ковалева // Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://bit.ly/3uZkj8N>. – Дата доступа: 10.12.2023.
17. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода: учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЧеРо, совместно с «Юрайт», 2000. – 136 с.
18. Комиссаров, В. Н. Основные типы переводческих трансформаций / В. Н. Комиссаров // Studfiles [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/9214179/>. – Дата доступа: 02.03.2024.
19. Комиссаров, В. Н. Понятие адекватности и эквивалентности перевода / В. Н. Комиссаров // Studfiles [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/11910448/page:10/>. – Дата доступа: 02.12.2023
20. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2001. – 424 с.
21. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие для фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
22. Кочергин, И. В. Основы научно-технического перевода с китайского языка на русский / И. В. Кочергин. – 2-е изд. – М. : ВКН, 2017. – 624 с.
23. Латышев, Л. К. Технология перевода : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Л. К. Латышев – 2-е изд. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с.
24. Ли Лунь. Роль и функции художественного перевода в XXI веке / Ли Лунь // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. – 2020. – №2. – С. 2-5.
25. Лу Яо. Обыкновенный мир / Лу Яо ; пер. Ю. А. Дрейзис. – Международная издательская компания «Шанс», 2023. – 291 с.
26. Лу Яо. Судьба / Лу Яо ; пер. В. И. Семанов. – Международная издательская компания «Шанс», 1982. – 99 с.

27. Молоткова, Ю. В. Теория и практика перевода. Китайский язык : учеб. пособие / Ю. В. Молоткова [и др.] ; под общ. ред. Ю. В. Молотковой. – Минск : РИВШ, 2019. – 280 с.
28. Раренко, М. Б. Адекватный перевод / М. Б. Раренко, В. Н. Базылев // Вестник МГУ. – 2010. – №15. – С. 9-12.
29. Рецкер, Я. И. Теории переводческой эквивалентности и адекватности. Понятия переводческой эквивалентности и адекватности / Я. И. Рецкер // MyLektsii [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://bit.ly/3TmC8sH>. – Дата доступа: 02.10.2023.
30. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Р. Валент, 2007. – 244 с.
31. Серебрякова, А. Ю. Параметры нормативной оценки адекватного перевода / А. Ю. Серебрякова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2014. – №1. – С. 45-47.
32. Тюленев, С. В. Теория перевода : учеб. пособие / С. В. Тюленев – М. : Гардарики, 2004. – 341 с.
33. Цвиллинг, М. Я. О критериях оценки перевода / М. Я. Цвиллинг, Г. Я. Туровер // Все для переводчиков и филологов [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://wt-blog.net/perevodchiku/o-kriterijah-ocenki-perevoda-cvilling-turover.html?ysclid=ln5rorvxp125306721#perevod-1>. – Дата доступа: 02.02.2024.
34. Чуковский, К. И. Принципы художественного перевода / К. И. Чуковский, Н. С. Гумилев. – СПб : Всемирная литература, 1919. – 35 с.
35. Шамова, Н. В. Разграничение понятий “эквивалентность” и “адекватность” в переводе / Н. В. Шамова // Вестник МГУ. – 2005. – №2. – С. 171-179.
36. Швейцер, А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / А. Д. Швейцер – М. : Наука, 1988. – 215 с.
37. Швейцер, А. Д. Эквивалентность и адекватность перевода / А. Д. Швейцер // Studfiles [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/7247253/page:3/>. – Дата доступа: 02.03.2024.
38. Шелестюк, Е. В. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки / Е. В. Шелестюк, Э. Д. Гриценко // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2016. – №4 (386). – С. 202-207.
39. Щичко, В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода / В. Ф. Щичко. – 1-е изд. – Минск : Восток-Запад, 2004. – 223 с.

40. Юдж. Найда. Концепция динамической эквивалентности // StudFiles [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/9562323/page:17/>. – Дата доступа: 07.01.2024.

41. Dylan Suher. Lu Yao's 'Life' and the Chinese Dream // Popula (Дилан Сухэр. “Судьба” Лу Яо и китайская мечта // Popula) [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://popula.com/2020/02/13/lu-yaos-life-and-the-chinese-dream/>. – Дата доступа: 25.10.2023.

42. Xu Fan. Lu Yao's Ordinary World now on air as TV series // CHINADAILY (Сю Фан. Обыкновенный мир Лу Яо в эфире в качестве сериала // Ежедневный Китай) [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.chinadaily.com.cn/culture/2015-03/12/content_19787277.htm. – Дата доступа: 25.10.2023.

43. “文学翻译不仅仅是一份职业” 翻译家说 // 人民网 (“Литературный перевод – это не просто профессия” Переводчики говорят // интернет-версия) “Жэньминь жибао” [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <http://ent.people.com.cn/n1/2021/1010/c1012-32248670.html>. – Дата доступа: 10.04.2024.

44. 三十年后，为什么还需要读路遥 // 新华网 (Тридцать лет спустя, почему все еще необходимо читать Лу Яо // Синьхуа) [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/201911/15/c_1125234089.htm. – Дата доступа: 25.10.2023.

45. 少年路遥二三事 // 就爱文摘网 (Пару моментов про детство Лу Яо // Дайджест о любви) [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://www.92wenzhai.com/whys/wenxue/2020/0218/43758.html>. – Дата доступа: 23.10.2023.

46. 平凡的世界，真实的路遥 // 党建网 (Обыкновенный мир, настоящий Лу Яо // dangjianwang) [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: http://www.dangjian.com/ds/jtrds/dsjj/wz/201911/t20191129_5334402.shtml. – Дата доступа: 28.10.2023.

47. 张红秋. 路遥：文学战场上的“红卫兵” // Culture ifeng (Чжан Хунцю. Лу Яо: "Красная гвардия" на поле литературной битвы // Culture ifeng) [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://culture.ifeng.com/huodong/special/luyao2/wenzhang/detail_2012_11/17/19262351_3.shtml. – Дата доступа: 28.10.2023.

48. 杨庆祥. 路遥的多元美学谱系——以《人生》为原点 // 腾讯网 (Ян Цинсян. Плюралистическая и эстетическая генеалогия Лу Яо – “Судьба” как точка отсчета // Китайская телекоммуникационная компания Tencent) [Электрон

ный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://new.qq.com/omn/20210824/20210824A06O1M00.html>. – Дата доступа: 23.10.2023.

49. 路遥. 人生 // 藏书网 (Лу Яо. Судьба // Электронная коллекция книг) [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://www.99csw.com/book/7230/index.htm>. – Дата доступа: 05.12.2023.

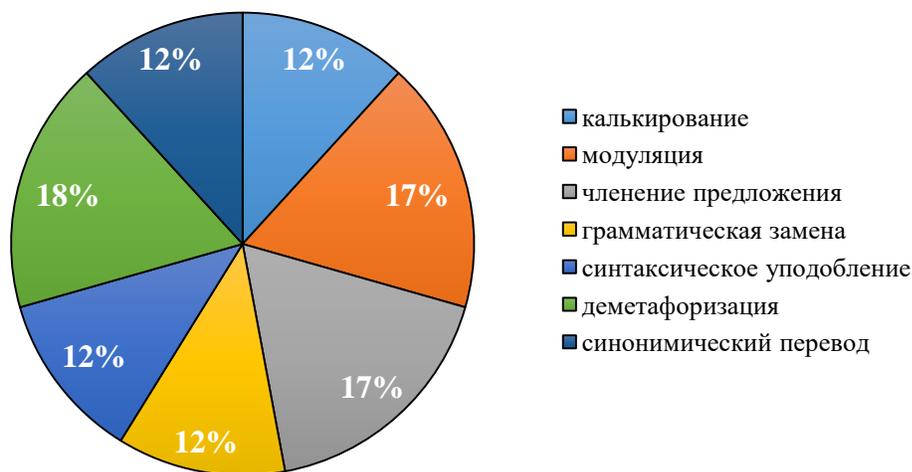
50. 路遥. 平凡的世界 // 平凡的世界 (Лу Яо. Обыкновенный мир // Обыкновенный мир) [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://www.pingfandeshijie.cn/>. – Дата доступа: 05.12.2023.

51. 路遥: 他是最穷的大作家 // 搜狐 (Лу Яо: Беднейший из величайших писателей // SoHu) [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.sohu.com/a/611111574_121124765. – Дата доступа: 28.10.2023.

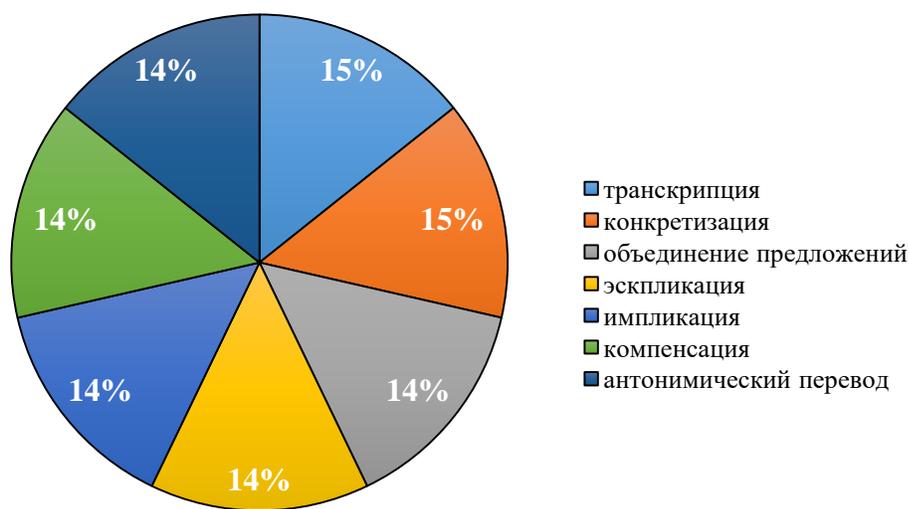
52. 高建群. 高建群: 路遥的一些事情说出来是很复杂的 // 腾讯网 (Гао Цзяньцюнь. Гао Цзяньцюнь: Некоторое о Лу Яо сказать очень сложно // Китайская телекоммуникационная компания Tencent) [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://new.qq.com/omn/20210824/20210824A06O1M00.html>. – Дата доступа: 23.10.2023.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ПРОЦЕНТНЫЕ СООТНОШЕНИЯ ЧАСТОТНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ ЛУ ЯО «СУДЬБА» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

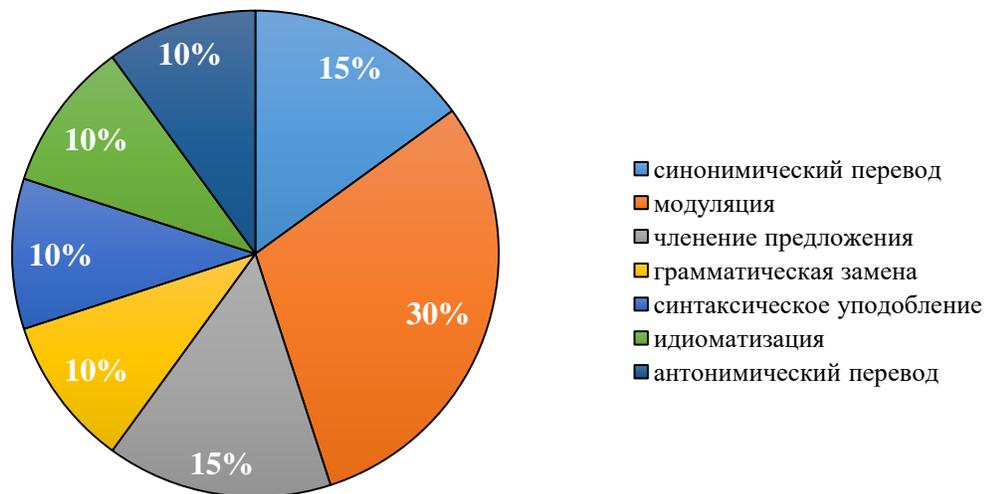
Пункт 1. Наиболее частотно используемые переводческие трансформации

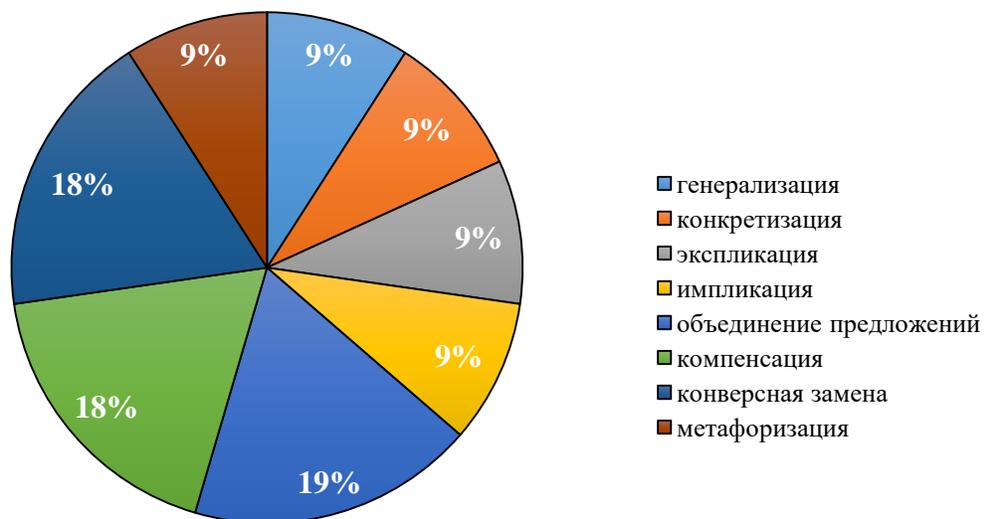
Пункт 2. Наименее частотно используемые переводческие трансформации

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ПРОЦЕНТНЫЕ СООТНОШЕНИЯ ЧАСТОТНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ЛУ ЯО «ОБЫКНОВЕННЫЙ МИР» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Пункт 1. Наиболее частотно используемые переводческие трансформации

Пункт 2. Наименее частотно используемые переводческие трансформации